

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

4.

Стр.

493. Письма императрицы Александры Теодоровны къ В. А. Жуковскому (1817—1842).
513. Баронъ О. А. Игельстромъ въ Оренбургскомъ краѣ (1781—1798). Статья П. Л. Юдина.
556. Письма Н. Ф. Павлова къ С. П. Шевыреву (1838—1853).
577. Записки графа М. Д. Бутурлина. III. (1817—1824).
653. Изъ дневника Н. А. Муханова. 1832.
658. Крестовскій-Псевдонимъ. Воспоминаніе В. П. Горлеяко.
664. Дѣла давно минувшихъ дней. А. Л. Зиссермана.
— О дневникѣ поручика Васильева (на внутренней сторонѣ обертки).

Просимъ лицъ, возобновляющихъ подписку на „Русскій Архивъ“, увѣдомлять какою именно книгу „Архива Князя Воронцова“ желаютъ они получить бесплатнымъ приложеніемъ въ 1897 году. (Содержаніе 26-ти книгъ «Архива Князя Воронцова» помѣщено на оберткахъ 1-го и 2-го выпусковъ «Русскаго Архива» сего года).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1897.

БАРОНЪ О. А. ИГЕЛЬСТРОМЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

(1784—1792 и 1796—1798).

I.

Хотя имя Осипа Андреевича Игельстрома не разъ появлялось на страницахъ Русской и даже заграничной повременной печати, тѣмъ не менѣе жизнь, личность, судьба его и особенно служебная карьера до сихъ поръ не выяснены и не описаны; а между тѣмъ его обширная и разносторонняя дѣятельность длинной нитью проходитъ почти черезъ все царствованіе Великой Императрицы и переходитъ въ царствованіе императора Павла I.

По уцѣлѣвшимъ какимъ-то чудомъ отъ пожаровъ и всесокрушающаго времени въ Оренбургскихъ архивахъ немногимъ бумагамъ Игельстрома постараюсь пополнить прежнія свѣдѣнія о немъ и исправить появившіяся въ печати неточности, которыя особенно касаются времени его управленія Уфимско-Оренбургскимъ краемъ.

Извѣстно, что управленіе Оренбургскимъ краемъ, обширнымъ и отдаленнымъ, благодаря географическому положенію его, часто подвергалось измѣненіямъ, и соотвѣтственно имъ мѣнялись и его названія. Первое время (съ 1735 года) приблизительно до 1738 года, при ст. сов. Кириловѣ, образователѣ этого края, онъ именовался *«Извѣстною»*, потомъ *«Оренбургскою экспедиціею»*. При тайномъ сов. Татищевѣ (съ 10 Марта 1738 по 1739 г.) и князѣ Урусовѣ (1739 по 1741 г.) *«Оренбургскою комиссіею»*, и главный начальникъ края назывался *«командиромъ»*. Въ это время въ составъ его входили Самара, Алексѣевскъ*), Бузулукъ, основанный въ 1736 г., и Оренбургъ съ его уѣздомъ, начиная отъ этого города по линіи почти до Сибирскихъ слободъ затѣмъ, образованная въ 1738 году Исетская провинція съ крѣпостью Челя-

---

*) Г. Самара основанъ въ 1585 г., а пригородъ Алексѣевскъ, названный такъ въ честь царевича Алексѣя Петровича, въ 1700 году. Самара и Алексѣевскъ ранѣе находились въ зависимости отъ Казацкаго Приказа.

бинской, названной такъ по имени владѣвшаго будто бы этимъ мѣстомъ Башкира Селяба или Челяба. Послѣ перенесенія г. Оренбурга на третье мѣсто *) при слияніи р. Сакмары съ Ураломъ, по представленію тайн. сов. И. И. Неплюева, высочайшимъ указомъ 15-го Марта 1744 года повелѣно было Оренбургскій край именовать «Оренбургскою губерніею», а главнаго начальника края «губернаторомъ». По этому указу къ губерніи были причислены города Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ, Оса (Пермской губ.) и Табынскъ. Вѣдомству новаго губернатора были подчинены всѣ крѣпости бывшей Оренбургской комиссіи, потомъ Уфимская провинція со всѣми, какъ сказано въ указѣ, «Башкирскими дѣлами», и Исетская провинція съ «Зауральными Башкирами». Его же вѣдѣнію подчинены Киргизъ-кайсацкій народъ и всѣ пограничныя дѣла, «кои понынѣ въ пограничной комиссіи находятся» и, наконецъ, Яицкіе казаки, бывшіе ранѣе въ подчиненіи у Астраханскаго губернатора, и Ставропольскіе Калмыки. Послѣ этого управленіе краемъ было перенесено изъ Самары въ Оренбургъ.

Но въ 1779 году распределеніе Россіи по губерніямъ было признано неудобнымъ. Повелѣно было въ составѣ нѣсколькихъ областей учредить намѣстничества, которыя бы въ свою очередь подчинялись еще особымъ генералъ-губернаторамъ. По этому распределенію Оренбургскій край былъ наименованъ Уфимскимъ намѣстничествомъ изъ двухъ областей: губерніи Уфимской и провинціи Оренбургской. Въ первую вошли уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Стерлитамакскій, Бугульминскій, Белебеевскій, Бугурусланскій и Челябинскій. (Слободы Бугульма и Бугурусланъ, Чувашское селеніе Белебей и крѣпость Челябинская возведены были на степень городовъ). Послѣднюю составили уѣзды: Оренбургскій, Верхнеуральскій, Бузулукскій и Сергеевскій. Три уѣздныхъ города образовались изъ крѣпостей Верхнеуральской и Бузулукской и пригорода Сергеевска. Сюда же была причислена и крѣпость Троицкая, переименованная въ 1782 г. въ уѣздный городъ. Уральское войско, съ городами Уральскомъ и Гурьевымъ, отдѣлены къ Астраханской губерніи. Города Самара и Алексѣевскъ и Ставропольское Калмыцкое войско вошли въ составъ Симбирскаго намѣстничества, которое, впоследствии, вмѣстѣ съ Уфимскимъ намѣстничествомъ, соединилось въ особое генералъ-губернаторство Симбирско-Уфимское.

---

*) Оренбургъ основанъ 15-го Августа 1735 года на устьѣ р. Ори Кириловымъ, въ другой разъ перенесенъ 1 Августа 1741 г. на урочище Красную горку и наконецъ 19 Апрѣля 1743 года заложенъ на настоящемъ его мѣстѣ.

Пограничная линія, отдѣлявшая первое намѣстничество отъ второго, шла по тому же направленію, по которому въ 1732 году была проведена такъ называемая «Новая Закамская линія», предназначенная для защиты восточныхъ границъ Россіи, начиная отъ редута Кинельскаго (близъ Алексѣвска) до р. Качуи, на границѣ съ Казанской губерніей ¹⁾. Объ этомъ распредѣленіи сохранилось письмо Казанскаго губернатора князя Платона Мещерскаго къ Оренбургскому губернатору генераль-поручику Рейнсдорпу, 27 Октября 1779 года изъ Казани.

Въ слѣдующемъ 1780 году, 16 и 17 Декабря, послѣдовало открытіе Симбирскаго намѣстничества. Первымъ намѣстникомъ (онъ же и губернаторъ Симбирскій) былъ назначенъ генераль-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Карповъ. Затѣмъ 17-го Мая 1782 года состоялось открытіе Уфимскаго намѣстничества и новой губерніи Уфимской, а немного позднѣе, 24 Мая, въ г. Оренбургѣ, открылась и Оренбургская область. Тогда же намѣстникомъ Уфимскимъ былъ опредѣленъ генераль-поручикъ Акимъ Ивановичъ Апухтинъ, а губернаторомъ Оренбургской области генераль-маіоръ князь Матвѣй Аванасьевичъ Хвабуловъ. Одновременно съ этимъ управленіе всѣмъ краемъ, подъ именемъ Симбирскаго и Уфимскаго генераль-губернаторства, поручено бывшему Астраханскому, а потомъ Оренбургскому губернатору (съ 1781 г.), генераль-поручику Ивану Варолюмеевичу Якоби ²⁾.

Но онъ не долго пробылъ въ этомъ званіи. Въ Іюль 1783 года Якоби уѣхалъ изъ Уфы въ Петербургъ и больше назадъ не возвращался ³⁾. Въмѣсто него былъ назначенъ генераль-поручикъ Апухтинъ который занималъ эту должность до конца 1784 года, когда по именному высочайшему рескрипту послѣдовало назначеніе начальникомъ края барона О. А. Игельстрома. Сама Императрица такъ писала ему объ этомъ:

«Господинъ генераль-поручикъ баронъ Игельстромъ. Опредѣливъ васъ въ должность генераль-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго, увѣрена я, что вы сіе назначеніе примете знакомъ моего особливаго къ вамъ благоволенія и довѣренности. Я желаю, чтобъ вы поспѣшили

¹⁾ См. Рычковъ. Топографія Оренбург. губер. 1887, 312. (Сличь нашу ст. „Курганы и подземныя пещеры въ Самарской губерніи. Историч. Вѣст.“ 1894, VII, 169—170).

²⁾ Род. 1726 г., † 1803 г. Новиковъ въ „Сборникъ Матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства“ (1879, стр. 20) неправильно называетъ Якоби Уфимскимъ и „Сибирскимъ“ генераль-губернаторомъ.

³⁾ У Новикова, какъ и въ „Памят. книжкѣ Оренб. губер.“ на 1896 г. почему-то показано, что Якоби оставался генераль-губернаторомъ до 1764 года.

сюда прибытіемъ вашимъ, дабы за полученіемъ нужныхъ поставленій могли вы тотчасъ отправиться въ намѣстничества, вамъ поручаемыя. Пребываю всегда вамъ благосклонная. Екатерина».

Рескриптъ этотъ данъ былъ въ С.-Петербургѣ, Сентября 1 дня 1784, и на немъ существуетъ помѣтка (внизу): «Полученъ въ Таврической области при Кара-су-базарѣ».

Получивъ въ управленіе Оренбургскій край, населенный разнообразными племенами, б. Игельстромъ, согласно полученныхъ отъ Императрицы инструкцій, обратилъ особенное вниманіе на слабо еще подчиненный намъ Киргизъ-Кайсацкій народъ, требовавшій усиленнаго наблюденія за его дѣйствіями и заботъ къ обузданію его грабежныхъ набѣговъ. Къ несчастію, для пріученія этихъ Азіатовъ къ Русс ой власти и Русскимъ законамъ, были приняты такія вредныя мѣры, которыя больше озлобляли, чѣмъ привлекали ихъ на сторону Россіи. Не узнавъ быта, нравовъ и обычаевъ этого народа, его взглядовъ и вѣрованій, почему-то находили нужнымъ навязывать Киргизамъ чуждое имъ Мусульманское вѣроисповѣданіе, устраивали мечети и посылки въ Киргизскія орды Татарскихъ муллъ. Такъ думалъ не только б. Игельстромъ, но и сама Императрица, которая въ своемъ рескриптѣ, отъ 4 Сентября 1785 года, писала ему:

«Господинъ генераль-поручикъ баронъ Игельстромъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 6 Августа, что построенныя для подданныхъ нашихъ Магометанскаго закона мечети въ крѣпости Троицкой и въ Оренбургѣ открыты, не сомнѣваемся, что таковое сооруженіе мѣсть для публичной молитвы привлечетъ и прочихъ по близости кочующихъ и обитающихъ къ границамъ нашимъ; а сіе и можетъ послужить со временемъ способомъ къ воздержанію ихъ отъ своевольтвъ, лучше всякихъ строгихъ мѣръ. Въ слѣдствіе того нужно есть: 1) При помнянутыхъ мечетяхъ построить Татарскія школы, по примѣру Казанскихъ, и тутъ же завести караванъ-сарай или гостинные дворы. 2) Мечети обвести каменнымъ заборомъ, освѣдомясь у Татаръ, какъ то пристойнѣе по ихъ обычаю. 3) Гдѣ же вновь слѣдуетъ построить мечети, и особливо въ такихъ мѣстахъ, кои удобнѣе другихъ посѣщаемы быть могутъ, стараться оныя такъ расположить, чтобъ хотя и до тысячи пятисотъ человекъ въ нихъ вмѣститься могло, считая, напримѣръ, пространство ихъ до двадцати или до двадцати пяти сажень. О людяхъ потребныхъ для Татарскихъ школъ не оставите снестися съ нашимъ генераломъ и Казанскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Мещерскимъ. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны. Екатерина».

Мало этого, въ слѣдующемъ имянномъ повелѣніи, отъ 27 Ноября того же 1785 года, на имя барона Игельстрома Императрица добавляла:

«Снабденіе разныхъ родовъ Киргизскихъ моллами немалую пользу въ дѣлахъ нашихъ принести можетъ, почему вы и старайтесь опредѣлить оныхъ изъ Казанскихъ Татаръ, людей надежныхъ, давъ имъ потребныя наставленія къ удержанію Киргизцовъ въ вѣрности къ намъ и къ удаленію ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ. Симъ молламъ вы можете, при посылкѣ ихъ, произвести небольшую денежную дачу; а при томъ, по мѣрѣ вѣрности и тщанія въ исполненіи на нихъ возлагаемаго по службѣ нашей, снабдить и болѣшимъ награжденіемъ»¹⁾.

Увы, это была грубая ошибка со стороны Русскаго правительства. Ожидать пользы отъ муллъ Магометанскихъ, да еще изъ Казанскихъ Татаръ, право, «было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно». Вся исторія Казани до 1552 года, а потомъ послѣдующія интриги Казанскихъ ахуновъ, муллъ и мурзъ и ихъ происки при неоднократныхъ Башкирскихъ волненіяхъ, ясно показывали это.

Киргизы, если и исповѣдывали Магометову вѣру, то были чужды присущему ей фанатизму и въ дѣлахъ внѣшнихъ отправленій, т. е. обрядовыхъ особенностей, были почти что «*tabula rasa*». Они до сихъ поръ еще не понимаютъ смысла Магометанскаго исповѣданія, не исполняютъ предписанныхъ этой вѣрой обычаевъ и ежедневныхъ богомоленій съ различными омовеніями; многіе изъ нихъ даже не знаютъ, кто такой былъ Магометъ, что такое Аллахъ и по прежнему именуютъ Бога языческимъ именемъ «*Худай*», т. е. высшее существо. Явившіеся къ нимъ въ степь фанатики-муллы, да еще по предписанію Русскаго начальства, были противны имъ, прежде всего по тому, что муллы эти стали вводить свои узаконенія и требовать неуклоннаго исполненія различныхъ обрядностей, сопряженныхъ съ исповѣданіемъ Магометанской вѣры. Самымъ ненавистнымъ и тягостнымъ нововведеніемъ для жителя степей, привыкшаго къ вольной волюшкѣ, было требованіе «*намаза*»²⁾, который долженъ совершаться пять разъ въ день. Потомъ не менѣе тягостная «*ураза*» (постъ), продолжающаяся цѣлый мѣсяць, во время которой правовѣрные не должны ни пить, ни ѣсть въ теченіе всего дня, отъ восхода до захода солнца. И это

¹⁾ ,Русскій Архивъ“ 1886, XI, 349.

²⁾ Намазъ—молитва съ омовеніемъ совершается 1) передъ восходомъ солнца 2) спустя часа четыре передъ завтракомъ, 3) въ полдень, 4) при закатѣ солнца и 5), въ полночь.

было верхомъ посягательства на свободу и жизнь Киргиза. Попробуйте ка лѣтомъ при 60 градусной жарѣ пробыть безъ питья! «Нѣтъ, говорятъ Киргизы, этотъ законъ писанъ не для насъ».

Но еще больше вооружало Киргизовъ противъ этихъ ставленниковъ Русской власти, а съ ними вмѣстѣ и противъ Россіи, то, что муллы не ограничивались проповѣдываніемъ своей вѣры; они облагали ихъ различнаго рода сборами и поборами и за совершеніе надъ ними различныхъ священнодѣйствій требовали пешкеша (подарковъ).

Проникнутые духомъ фатизма и ненависти къ Русскимъ, муллы Татарскіе больше враждебно настраивали Киргизовъ противъ ненавистнаго имъ Русскаго правительства, чѣмъ вселяли въ нихъ довѣріе и чувство признательности къ Россіи. Это особенно сильно проявилось въ то время, когда, по настоянію того же Игельстрома, высочайшимъ указомъ 22 Сентября 1788 года, повелѣно было учредить въ г. Уфѣ «духовное собраніе Магометанскаго закона» съ муфтіемъ во главѣ, коему положено «имѣть въ вѣдомствѣ своемъ всѣхъ духовныхъ чиновъ того закона, въ разныхъ губерніяхъ проживающихъ, исключая Таврической области, гдѣ особое есть духовное правленіе»¹⁾.

Тотчасъ по прибытіи въ Уфу, муфтіи этотъ показалъ, какъ можно надѣяться Русскому правительству на вѣрность Татарскихъ муллъ. Онъ явился не только противникомъ Русской власти, но еще и ревностнымъ возбудителемъ ордынцевъ противъ распоряженій и дѣйствій на пользу ихъ пограничнаго начальства. Какъ видно изъ письма (отъ 9-го Апрѣля 1791 года) барона Игельстрома на имя правителя Уфимскаго намѣстничества генераль-маіора Пеутлинга, муфтіи этотъ въ 1790 году²⁾ писалъ въ орду къ одному изъ вліятельныхъ Киргизскихъ родоначальниковъ Сырымъ-батырю, подбивая какъ его, такъ и другихъ Киргизскихъ старшинъ; «представить жалобу Ея Императорскому Величеству на главное пограничное начальство въ томъ, что оно якобы Киргизское общество довело до крайняго состоянія, и дабы жалоба сія не была къмъ либо остановлена, отправить оную чрезъ Оренбургъ; но если и тамъ остановятъ ее, муфтіи обѣщаль имъ въ такомъ случаѣ самъ писать къ высочайшему Ея И. В-ва двору».

¹⁾ По справкѣ высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 1 Декабря 1826 г. Въ „Памятн. Книжкѣ Оренб. губер.“ на 1895 г. стр. 32, неправильно показано, что должность муфтіи утверждена въ 1782 году.

²⁾ Значить, всего черезъ годъ, такъ какъ Магометанское духовное правленіе открылось въ Уфѣ въ слѣдующемъ 1789 году. Первымъ муфтіемъ назначенъ бывший ахунъ Сеитовскаго посада Мухаметъ-Джанъ Гуссейновъ, которому 25 Января 1798 г. Павелъ пожаловалъ соболью шубу за усердіе (Русск. Арх. 1886, XII, 491).

Что за смыслъ было писать подобное письмо, что за притѣсненія испытывали Киргизы отъ пограничнаго начальства, къ сожалѣнію, въ дѣлахъ архивныхъ не находится указанія. Можетъ быть, это была обыкновенная и постоянная жалоба ордынцевъ на препятствія мѣстныхъ властей для перепуска Киргизскаго скота съ степной на внутреннюю сторону линіи, чего дѣйствительно нельзя было допускать постоянно въ ущербъ пограничнымъ жителямъ и въ виду еще опасности со стороны тѣхъ же Киргизовъ, которые, пользуясь этимъ случаемъ, безпрепятственно угоняли у окрестныхъ жителей скотъ и захватывали въ плѣнъ поселянъ.

Во всякомъ случаѣ, вникать въ дѣла пограничнаго начальства или въ нужды ордынцевъ было не въ обязанностяхъ муфтія. Къ счастью нашему, Киргизы не послушались его подговоровъ и не только не вышли изъ повиновенія мѣстному начальству, но еще выдали его.

Одинъ изъ ихъ старшинъ, засѣдавшій въ Оренбургскомъ пограничномъ судѣ, титулярный совѣтникъ Нурмухаммедъ-Ходжа, будучи лѣтомъ того же года въ ордѣ, увидѣлъ письмо муфтія у Сырыма-батыря и, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, не замедлилъ сообщить о томъ Пеутлингу. Тотъ въ свою очередь объ этомъ написалъ находившемуся въ то время въ Петербургѣ барону Игельstromу и, кромѣ того, донесъ непосредственно гофмейстеру графу А. А. Безбородко, и послѣдній довелъ дѣло до свѣдѣнія Государыни.

Поступки муфтія признали «непристойными»; но, какъ теперь нельзя еще обвинить его въ чинимомъ на него доносѣ, пока онъ самъ признается (?) въ ономъ, или когда старшина Нурмухаммедъ по учиненному имъ обѣщанію доставить изъ орды подлинное къ Сырыму муфтіево письмо, то привесть дѣло сіе въ ясность. Въ виду этого, по высочайшему повелѣнію, Уфимскому намѣстническому правленію (10 Апрѣля 1791 г.) барономъ Игельstromомъ было предложено: «обслѣдовать въ точности старшины Нурмухаммеда объявленіе, и какъ онъ старшина, такъ равно и господинъ муфтіи люди еще въ законахъ не свѣдущіе, такъ, по приведеніи въ ясность помянутаго объявленія, кто изъ нихъ виновнымъ окажется, того, призвавъ къ себѣ въ полномъ собраніи членовъ правленія *), препоручить господину губернскому прокурору прочитать и истолковать ему указы о ложныхъ доносахъ и развратныхъ въ народѣ разглашеніяхъ, состоящіеся 1763 г. Юня 4-го, 1764 г. Марта 16-го и 1772-го годовъ Апрѣля 5-го числѣ. При чемъ господа присутствующіе правленія объявили бы тому виновному, что

*) Намѣстническаго.

преступленіе его прощается ему единственно по увѣреніямъ, что онъ еще не свѣдуещъ въ законахъ, и сію бы сдѣланную ему милость старался онъ впредь заслуживать ревностнымъ обращеніемъ въ службѣ Ея И. В-ву, остерегаясь всячески впадать въ подобныя погрѣшности подѣ страхомъ строгаго по законамъ сужденія. Теперь же подтвердить господину муфтію, что долгъ его есть управлять дѣлами только по духовному его сану, а до свѣтскихъ отнюдь не касаться; развѣ когда начальство употребить его по онимъ заблагоразсудить, чтобы иногда посредствомъ совѣтовъ и наставленій его вывести чернь изъ какого либо заблужденія».

Такъ кончилось дѣло, безъ всякаго хотя бы малѣйшаго для примѣра муфтію наказанія. А попробуй тоже самое сдѣлать Русскій человекъ, къ нему врядъ ли бы отнеслись столь милостиво, особенно въ то суровое время. Мы ужъ черезчуръ и даже до сей поры смотримъ снисходительно на туземцевъ во вредъ себѣ и въ соблазнъ коренному Русскому населенію... И слишкомъ велико наше неумѣніе управляться съ вѣроисповѣдными дѣлами, безъ всякой системы и послѣдовательности, отвергая сегодня то, что вчера подтверждали, и подтверждая то, что завтра будетъ отвергнуто.

Первый ошибочный урокъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ еще въ 1745 году Оренбургскимъ губернаторомъ И. И. Неплюевымъ, во вредъ Россіи православной и въ пользу татарства. Въ то время, когда предшественники его, Татищевъ и князь Урусовъ, всѣми мѣрами старались обрусить новый Оренбургскій край путемъ переселенія жителей изъ центральныхъ (Русскихъ) областей Россіи, онъ вдругъ исходатайствовалъ у государыни Елисаветы Петровны повелѣніе на переселеніе въ Оренбургскій край 200 семей Казанскихъ и Вятскихъ Татаръ, «людей добропорядочныхъ и торги производить могущихъ». Татары эти были поселены близъ границъ съ Киргизской степью, въ 18 верстахъ отъ нынѣшняго Оренбурга, на рѣчкѣ Каргалѣ и получили въ надѣлъ 60 тысячъ (!) десятинъ самой удобной и хлѣбородной земли. Имъ дано было право имѣть у себя не только мечети, но и свои Татарскія школы, съ неперемѣннымъ условіемъ не принимать въ свое общество никого изъ Русскихъ, а только туземцевъ Магометанскаго закона ¹⁾, какимъ правомъ и до сей поры пользуется это поселеніе, извѣстное подѣ именемъ Каргали или Сеитовскаго посада. Но Неплюевъ вскорѣ понялъ свою ошибку, увидѣвъ, что поселенные имъ

¹⁾ См. грамоту императрицы Елисаветы Петровны Сеитовскому посаду отъ 8 Августа 1745 г. (Оренбург. Губерн. Вѣдомости 1870 г. № 41).

Татары были не столько пособниками нашей торговли съ Зауральскими племенами, сколько зловредными пропагандистами. Дабы раз навсегда положить предѣлъ болѣе тѣсному сближенію Татаръ съ Киргизами, 11-го Мая 1747 года былъ изданъ высочайшій указъ на имя Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: «Киргизъ-Кайсакамъ изъ Башкиріи и изъ Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ въ замужество невѣсть не отдавать; также Башкирцамъ и Татарамъ на Киргизъ Кайсатскихъ жениться не позволять».

Такимъ образомъ еще при Елисаветѣ Петровнѣ было признано нежелательнымъ даже родство и свойство Киргизовъ съ Татарами; и вдругъ, чрезъ 40 лѣтъ послѣ этого, при Екатеринѣ II, явилась для чего-то надобность посылать въ Киргизскую степь тѣхъ же Татаръ, и къмъ же? Учителями и наставниками въ вѣрѣ и укрѣпленіи ихъ въ вѣрности къ Русскому престолу. Возможно ли послѣ этого было ожидать, что Киргизы послушаются ненавистныхъ имъ наставниковъ?

Однако такая явная аномалія нисколько не помѣшала барону Игельstromу всѣми мѣрами стараться омагометанить ордынцевъ. Дивія, если не сказать болѣе, стремленія его дошли до того, что при учрежденіи въ 1786 году для Киргизовъ особаго пограничнаго суда въ Оренбургѣ и трехъ Киргизскихъ расправъ въ самой ордѣ «для разбора дѣлъ объ Азіятцахъ», онъ также нашелъ нужнымъ и, главное, «*полезнымъ*» натолкать туда руководителями все тѣхъ же Магометанскихъ муллъ, о чемъ и вошелъ къ Государынѣ съ особымъ представленіемъ. Но Императрица по всей вѣроятности не знала, да и не могла знать, всѣхъ обстоятельствъ дѣла и поѣтому вполне согласилась съ доводами своего сподвижника, что всего яснѣе видно изъ слѣдующаго именнаго повелѣнія, даннаго тому же барону Игельstromу 3-го Іюня 1786 года:

«Заведеніе расправъ въ народѣ Киргизскомъ мы почитаемъ полезнымъ; но на первое время довольно, когда оныя изъ ихъ самихъ, сходно мнѣнію вашему, составлены будутъ; а развѣ для однихъ письменныхъ дѣлъ употребить изъ вѣрныхъ духовныхъ Магометанскаго закона Казанскихъ или другихъ Татаръ; но и тутъ надобна осторожность, чтобъ не подвергнуть ихъ опасности по своевольству Киргизовъ. Впрочемъ, жалованье симъ расправамъ, назначаемое вами, довольно сильно будетъ утверждать Киргизовъ въ принятіи и сохраненіи ихъ¹⁾. Расправамъ онымъ быть подъ апелляціею Пограничнаго Суда, въ Оренбургѣ учреждаемаго²⁾»).

¹⁾ Изъ ниже приводимыхъ писемъ и рескриптовъ видно будетъ, какая сумма была ассигнована на расходы по удержанію „Киргизцовъ отъ своевольствъ“.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1886, XI, стр. 355.

Интереснѣ всего выясняется изъ этого рескрипта, что правительство, завѣдомо зная ненависть ордынцевъ къ Татарскимъ мулламъ, нарочно прибѣгало къ подкупамъ и подачкамъ, чтобы защитить и «не подвергнуть ихъ опасности по своевольству Киргизовъ». Право, невольно приходится удивляться такимъ распоряженіямъ могущественной и сильной державы!...

Расправы были учреждены въ трехъ главныхъ Киргизскихъ родахъ: Алимудлинскомъ, Байудлинскомъ и Семиродскомъ*). Имъ даны были особыя инструкціи, подписанныя самимъ Игельстромомъ и, видимо, имъ же составленныя. Въ дѣлахъ архивныхъ сохранилась одна изъ нихъ (Алимудлинскаго рода), и намъ кажется, нелишнимъ будетъ привести ее здѣсь не только, какъ документъ къ исторіи Киргизскаго народа, но и какъ характеристику довольно курьезнаго учрежденія, этого дѣтища, воздѣяннаго плохо знавшимъ и понимавшимъ Киргизскій народъ Нѣмцемъ генераль-губернаторомъ.

„П р а в и л ы

для наблюденія и исполненія расправъ, учрежденной по высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества Киргискайскакой Меньшей орды въ Аллимудлинскомъ родѣ.

1) Должность расправы состоитъ въ томъ, чтобъ отправлять для Киргизовъ рода Аллимудлинскаго, въ которомъ сей установленъ, правосудіе какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, и потому расправа должна принять отъ всякаго Киргизца, къ роду Аллимудлинскаго причисляющагося, обиду чувствующаго или споръ, или искъ въ имѣніи, или другомъ чемъ имѣющаго жалобу, входить по оной въ разбирательство и изслѣдованіе дѣла и доставить правой сторонѣ полномѣрное удовольствіе. 2) Расправѣ надлежитъ имѣть дѣвнѣе, дабы въ родахъ тѣхъ, которые состоятъ въ ея вѣдомствѣ, то-есть принадлежать роду Аллимудлинскому, сохранены были благочиніе, добронравіе и порядокъ. 3) Расправѣ подчинены все роды, въ Аллимудлинскомъ родѣ числящіеся, и начальники оныхъ, которые должны все опредѣленія ея безотговорочно и безъ отлагательства времени производить въ дѣйство и исполнять; сама же расправа подчинена здѣсь нынѣ въ Оренбургѣ существующему Пограничному Суду, почему должна исполнять все его требованія. Въ разсужденіи случающихся тяжбъ и исковъ, по коимъ расправа, будучи первоначальное въ родѣ Аллимудлинскомъ мѣсто имѣетъ отыскивать вину всякаго въ родѣ Аллимудлинскомъ, происшествіями какой ссоры; когда же случится, что расправа при разбирательствѣ какого ни есть дѣла въ приступленіи къ его рѣшенію будетъ имѣть недоразумѣніе, тогда должна сдѣлать Пограничному Суду о томъ свое донесеніе и требовать отъ

*) Расправы открыты одновременно 20 Октября 1786 года. Кроме того при ханѣ Малой орды тогда же былъ учрежденъ „ханскій совѣтъ“, или „Киргизскій диванъ“, состоящій изъ двухъ султановъ и по двое старшинъ отъ трехъ главныхъ Киргизскихъ родовъ (всего шесть старшинъ). Позднѣе указомъ 18-го Мая 1791 года была учреждена еще расправа Кердаринская. На расправы отпускалось „деньгами по четыреста по сроку рублей, да хлѣбомъ по двѣсти четвертей въ годъ“.

оного недоразумѣнію своему разрѣшенія. 4) Расправа должна обнародоватьъ все предписанія мои, яко главнаго начальника здѣшняго края, и здѣсь состоящаго Пограничнаго Суда, производить оныя въ дѣйство и назидать, чтобы все предписанное, полезное и нужное повсюду исполняемо было; въ случаѣ же неисполненія, расправа должна по состоянію дѣла, не смотря ни на какое лицо, проводить всякаго къ исполненію предписаннаго. 5) Расправа должна имѣть бдѣніе, чтобы Киргизцы изъ родовъ, составляющихъ весь вообще Аллимуллинскій родъ, не дѣлали подбѣги къ границамъ здѣшнимъ для захвата людей, отгона скота и другихъ грабительствъ и чтобы никто не удержалъ и не укрывалъ у себя захваченныхъ со стороны здѣшной людей, похищенный скотъ и прочее имущество, и буде гдѣ явится таковой нарушитель установленнаго порядка, расправа должна судить оного, сдѣлать приговоръ о наказаніи его, совершить оное надъ нимъ, взыскать съ него все похищенное имъ и возратить оное куда принадлежитъ. 6) Когда здѣсь существующій Судъ Пограничный по разбирательствѣ найдетъ преступниковъ въ чемъ-либо изъ Киргизцовъ и приговоритъ оныхъ къ наказанію, расправа имѣетъ наказатъ ихъ въ присутствіи того рода старшины, котораго они, въ страхъ прочимъ. 7) Расправа должна находиться въ срединѣ рода Аллимуллинскаго и имѣть, ежели будутъ дѣла, ежедневно, кромѣ праздничныхъ и торжественныхъ дней, засѣданія, почему члены оной, то-есть предсѣдатель и засѣдатели должны находиться безоглушно вмѣстѣ. 8) Расправа, состоя по высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію подъ апелляціею Оренбургскаго Пограничнаго Суда по дѣламъ, въ ней производимымъ, должна имѣть переписку съ онымъ судомъ рапортами, то-есть донесеніями; отъ суда оного имѣютъ быть указы ей посылаемы* *).

Безспорно по существу цѣль устройства въ ордѣ расправъ была благая. Правительство хотѣло дать Киргизскому народу какъ бы свое общественное управленіе, такъ какъ на избранныхъ ими самими въ расправу старѣйшинъ возлагалось не только веденіе и разборъ дѣлъ, касающихся всевозможныхъ преступленій, но имъ ввѣрялась еще административная и полицейская власть. Но народъ Киргизскій былъ еще настолько дикъ, что врядъ ли могъ что-либо понять изъ этой путанной инструкціи и слушаться бумажныхъ постановленій Расправъ, въ которыхъ къ тому же, рядомъ съ ихъ выборными старѣйшинами, засѣдали и ненавистные имъ Русскіе ставленники—Татарскіе муллы. Ордынцы уважали только силу и слушались только родовитыхъ старшихъ. Даже во время своего собственнаго управленія, до принятія въ въ 1734 году подданства Россіи, у нихъ не было никакихъ выборныхъ, а власть старѣйшинъ (т. е. представителей родовъ) переходила въ каждомъ родѣ по наслѣдству отъ старшаго къ старшему. Киргизами управляли султаны, бѣи, батыри знатные—наслѣдственные родоначальники. Съ учрежденіемъ же Расправъ явилась возможность получить власть совсѣмъ незнатному и неродовитому Киргизу, такъ какъ ордынцы, не признавая надъ собой власти этихъ учреждений, за подарки

*) „Правилы“ эти не напечатаны нигдѣ.

и угощеніе выбирали въ нихъ кого попало. Оттого получалось то, что въ засѣдатели Расправъ этихъ шли такіе люди, которые совершенно не имѣли никакого представленія о правахъ человѣческихъ и своихъ обязанностяхъ. Выборные эти стремились лишь къ тому, чтобы быть на службѣ и получать чины, ордена и прочія наружныя отличія, до чего особенно охочи Киргизы. Трехлѣтнее состояніе въ ордѣ Расправъ яснѣе всего показало это.

При перемѣнѣ въ 1790 году на новое трехлѣтіе судей въ Расправахъ этихъ, баронъ Игельстромъ въ ордерѣ своемъ на имя Пеутлинга ¹⁾, предлагая ему «благовременно озаботить себя написаніемъ ко всѣмъ главнымъ трехъ первыхъ родовъ старшинамъ, чтобы они учинили выборъ новымъ судьямъ», «объяснивъ сперва имъ причину... и коснувшись нѣкоторымъ образомъ пользы и важности сего предмета», — просилъ при этомъ «подтвердить имъ, чтобы вновь ими избранные были *не низкаго происхожденія, повсѣдніи добропорядочнаго*, въ состояніи сохранить довѣренность (?), коею общество ихъ удостоиваетъ, и чтобы для основательнаго сужденія каждый имѣлъ себѣ отъ роду не менѣе двадцатипяти лѣтъ», съ тѣмъ, чтобы потомъ выборные эти явились къ Пеутлингу и въ Оренбургскій Пограничный Судъ «для испытанія».

Но, не смотря на эти «дополненія и разъясненія», «къ пользѣ Киргизовъ служація», Расправы, какъ чуждыя духу народа, недолго просуществовали въ ордѣ. Послѣ Игельстрома, по представленію Оренбургскаго военнаго губернатора генераль-маіора Н. Н. Бахметева, высочайшимъ указомъ 19 Марта 1799 года какъ онѣ, такъ и Пограничный Судъ ²⁾ въ Оренбургѣ были уничтожены, а вмѣсто послѣдняго

¹⁾ Отъ 14-го Іюня того же 1790 г., № 916 изъ Выборга, куда, какъ увидимъ ниже, Игельстромъ ухажалъ въ 1789 году. Известно, что онъ велъ дипломатическіе переговоры съ Швеціей и 3-го Августа 1790 г. заключилъ Верельскій миръ. („Русская Старина“ 1893, Августъ, стр. 223. Слич. „Русскій Архивъ“ 1886, XII, стр. 430).

²⁾ Какъ видно изъ указа Сената Оренбургскому военному губернатору Бахметеву отъ 14-го Февраля 1799 г., Пограничный Судъ имѣлъ особенныя полномочія въ противность общимъ узаконеніямъ. Въ немъ разбиралась и осуждалась „преступленія, Киргизцами, Башкирцами и прочими на границѣ или внутри той или другой стороны сдѣланныя... Дѣла сіи не идутъ по дистанціямъ, но, начинаясь въ Пограничномъ судѣ, оканчиваются въ ономъ съ апробаціи военнаго губернатора, и сей Судъ приговоры свои приказываетъ исполнять уездной полиціи на мѣстѣ преступленія, не давая о томъ знати гражданскому губернатору и губернскому правленію, считая себя отъ правительствъ и начальствъ, въ губерніи учрежденныхъ, независимымъ. Съ самого своего учрежденія къ прокурорамъ ни о чемъ и никакихъ свѣдѣній не доставлялъ“. По просьбѣ Оренбургскаго губернскаго прокурора Богинскаго, Сенатъ указомъ этимъ предписалъ военному губернатору „о производствѣ дѣлъ“ въ Пограничномъ Судѣ доставлять свѣдѣнія и прокурору.

учреждена была особая комиссія пограничныхъ дѣлъ, гдѣ, кромѣ переводчиковъ, да одного султана и двухъ старшинъ изъ Киргизовъ, остальные чины были Русскіе. Такой порядокъ управленія Киргизами, видимо, былъ цѣлесообразенъ. Онъ продержался три царствованія, и только въ 1859 году Оренбургская Пограничная Комиссія была переименована въ «Область Оренбургскихъ Киргизовъ» и передана изъ вѣдѣнія Азіатскаго Департамента Иностранныхъ Дѣлъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

II.

Хотя баронъ Игельстромъ числился и *номинально* управлять Оренбургскимъ краемъ до 1792 года, но пробылъ онъ въ Уфѣ всего четыре года. Въ 1789 году онъ уѣхалъ въ Петербургъ и больше назадъ не возвращался.

Въ теченіе этихъ несчастныхъ четырехъ лѣтъ баронъ надѣлалъ такихъ бѣдъ и непоправимыхъ ошибокъ, какихъ другой лучшей начальникъ не могъ бы сдѣлать во всю жизнь. Будучи плохимъ администраторомъ, и при томъ еще плохимъ военнымъ человѣкомъ, онъ, видимо, производилъ всѣ свои распоряженія съ маху, очертя голову, не справляясь и не вдумываясь, можно и нужно ли провести то или другое узаконеніе, полезно ли оно будетъ для народа и будетъ ли имѣть какое-либо существенное значеніе, какъ рычагъ въ борьбѣ съ непокорными племенами. Очевидно, баронъ Игельстромъ ничуть не задумывался надъ этимъ весьма важнымъ при всякомъ управленіи вопросомъ. У него была единственная и никому и ни къ чему ненужная страсть писать и писать, давать инструкціи и дѣлать наставленія, и при томъ непременно письменно, «на бумагѣ» «отъ такого-то числа», «за № такимъ-то». Эта канцелярская привычка побудила его и передъ самымъ отъѣздомъ изъ Уфы написать много длиннѣйшихъ писемъ къ различнымъ начальствующимъ края, а правителю Уфимскаго намѣстничества, Александру Александровичу Пеутлингу, кромѣ письма отъ 7-го Декабря 1789 г. (№ 1732), онъ настрочилъ пространнѣйшій ордеръ (отъ 8 Декабря, № 318), какъ управлять краемъ, съ кѣмъ и какъ сноситься и чтѣ писать, хотя Пеутлингъ, человѣкъ уже пожившій и неглупый, и безъ него зналъ, чтѣ и какъ при случаѣ нужно было сдѣлать.

По своему содержанію ордеръ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія и, какъ курьезъ, достойнъ того, чтобы его привести дословно.

«Имѣя счастье получить высочайшее Ея Императорскаго Величества именное повелѣніе, всемилостивѣйше меня удостоивающее позволеніемъ прибыть мнѣ въ столицу Ея Величества, и поспѣшая туда отправиться, предназначаю отбытіе мое изъ здѣшняго мѣста прямо въ Санктпетербургъ сего мѣсяца 10 дня. По поводу чего на все время моего въ здѣшнемъ краю небытія, препоручая в. п-ву въ полное завѣдываніе и управленіе всѣ дѣла, касательныя до Киргизскаго народа и до пограничности, имѣю относительно сего предложить вамъ слѣдующее:

1) Дабы ваше превосходительство всегда имѣли достаточныя свѣдѣнія о дѣлахъ, до Киргизкайсацкаго народа принадлежащихъ и по части пограничной, я, давши знать о семъ моемъ вамъ препорученіи Оренбургской Экспедиціи Пограничныхъ Дѣлъ и тамошнему Пограничному Суду, предписалъ первой—о всѣхъ Киргизкайсацкихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ и происшествіяхъ въ надлежащее время доносить вашему превосходительству, а послѣдному—всѣ производящіяся въ ономъ дѣла къ вамъ представлять на ревизію, и чтобы испрашивали вашихъ разрѣшеній, которымъ и имѣете ваше превосходительство дѣлать свои предписанія ¹⁾.

2) Отъ его свѣтлости *высокоповелительнаго* (sic) господина генерала-фельдмаршала и многихъ орденовъ кавалера Потемкина Таврическаго отъ 19 дня Августа минувшаго 1785 года въ ордерѣ мнѣ объявлено, что Ея Императорскому Величеству благоугодно, дабы обо всемъ по Оренбургской линіи происходящемъ увѣдомлять его свѣтлость, что я наблюдая всегда въ точности, рекомендую вашему превосходительству какъ его свѣтлости, такъ равно и Государственной Военной Коллегіи по Секретной Экспедиціи ежемѣсячно доносить о линейныхъ обстоятельствахъ ²⁾.

3) Поелику обязанности мои въ разсужденіи Киргизкайсацкаго народа и по части пограничной суть единообразны съ обязанностями всѣхъ сосѣдственныхъ господъ генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, или правящихъ должность ихъ, и генералитетомъ войсками ко-

¹⁾ Изъ этого вытекаетъ, что главнымъ начальникомъ края надъ Уфимской губерніей, Оренбургской областью и Киргизскою степью оставался Пеутлингъ, за исключеніемъ, какъ увидимъ ниже, Симбирскаго намѣстничества.

²⁾ Какъ видно изъ письма барона Игельстрома отъ 31-го Іюля 1791 года, онъ представлялъ князю Потемкину (при донесеніи отъ 28 Января 1786 г.) «подробное описаніе о Киргизскомъ народѣ, касательно до образа правленія Киргизкайсаковъ, до связи ихъ между собою и сосѣдними народами, мѣстоположенія, по коему кочевьемъ своимъ располагаются, числа ихъ душъ, ихъ обрядовъ и обычаевъ, раздѣленія ихъ на разные роды и кто какимъ родомъ управляетъ, чѣмъ чиновники отличаются отъ черни, также какое у нихъ въ употребленіи оружіе, откуда достаютъ принадлежащія къ тому припасы, въ чемъ состоитъ ихъ богатство, недостатки и проч.» Къ сожалѣнію въ дѣлахъ архивныхъ не сохранилось этого донесенія.

мандующимъ, то дабы въ полной мѣрѣ сохраняема была безопасность здѣшняго края, ваше превосходительство имѣете всегдашній долгъ о всѣхъ Киргизкайсацкихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ такихъ, которыя включаютъ въ себѣ важность и для отвращенія которыхъ или произведенія въ дѣйство потребны вамъ будутъ соединенныя тѣхъ сосѣднихъ главныхъ начальниковъ силы и пособіе, сноситься съ ними заблаговременно, какъ то: съ его сіятельствомъ главнокомандующимъ Кавказскою арміею г-номъ генераль-аншефомъ и кавалеромъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ, съ командующимъ Сибирскимъ корпусомъ г-номъ генераль-маіоромъ и кавалеромъ Густавомъ Густавовичемъ Страдманомъ, съ правящимъ должность Саратовскаго и Воронежскаго генераль-губернатора г-номъ генераломъ-порутчикомъ и кавалеромъ Василиемъ Алексѣевичемъ Чертковымъ или губернаторомъ тамошнимъ, также съ гг. Астраханскимъ комендантомъ и Кавказскимъ губернаторомъ.

4) По случаю отсутствія изъ Троицка Троицкой пограничной таможни директора надворнаго совѣтника Мирзаханова, отправленіе дѣлъ съ Киргизцами Средней орды и по части пограничной, тамъ отъ меня ему порученное, до его возвращенія возложено мною на тамошняго коменданта г. подполковника и кавалера Карштена, почему имѣете ваше превосходительство требовать отъ него г. подполковника Карштена свѣдѣнія о тамошнихъ Киргизскихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ и по онымъ чинить ваши ему предписанія, увѣдомляя въ тоже время объ оныхъ Экспедицію Пограничныхъ Дѣлъ.

5) По высочайшему Ея Императорскаго Величества благосозволенію всегда находится должествуютъ и находятся при мнѣ отъ народа Киргизскаго три депутата изъ лучшихъ по ордѣ людей, каковыя теперь суть: Ширгазы-султанъ*), сынъ Каипа-султана, и старшины: титулярный совѣтникъ Буранбай-мурза и Джанузакъ-мурза, изъ которыхъ на лицо теперь находится одинъ только первый изъ нихъ, которой и въ Санктпетербургѣ при мнѣ безотлучно быть имѣетъ; прочіе же два по даннымъ отъ меня имъ порученіямъ отпущены мною въ орду: первый, то есть Буранбай-мурза, для собранія разграбленныхъ Киргизцами въ настоящемъ году у Бухарскихъ и Хивинскихъ купцовъ товаровъ, а послѣдній Джанузакъ-мурза, чтобъ отыскать и возвратитъ захваченныхъ въ нынѣшнемъ лѣтѣ Киргизскими ворами съ разныхъ по линіи мѣстъ Россійскихъ людей; возвращеніе же обоихъ ихъ изъ орды предназначено мною будущею весною. И потому, какъ скоро они оттуда возвратятся, благоволите ваше превосходительство принять ихъ въ свое вѣдомство и принадлежащее имъ жалованіе съ перваго числа Сентября мѣсяца сего года истребовать отъ Уфимской Казенной Палаты для удовольствованія ихъ онымъ, также содержать

---

*) Впослѣдствіи Ширгазы, „бывшій въ Финляндской арміи волонтеромъ, за усердную и ревностную его службу“, награжденъ секундъ-маіорскимъ чиномъ (Изъ письма Игельстрема Пеутлигу, 5 Декабря 1790 г.).

ихъ соотвѣтственно ихъ занятіямъ, а объ успѣхахъ данныхъ имъ отъ меня порученій меня увѣдомить.

6) О благосостояніи линіи имѣете ваше превосходительство Ея Императорскому Величеству доносить каждонедѣльно, какъ равно и меня о томъ увѣдомлять, также относиться ко мнѣ о всѣхъ Киргизкайсацкихъ и пограничныхъ обстоятельствахъ такихъ, существенность коихъ можетъ касаться до пользы здѣшней стороны и общаго спокойствія.

7) Для руководствованія вашего превосходительства по дѣламъ, относящимся до Киргизскаго народа и по части пограничной и для согласнаго съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества благонамѣреніемъ исполненія оныхъ препровождаю у сего засвидѣтельствованныя копии со всѣхъ имянныхъ повелѣній, полученныхъ мною во все время начальствованія моего здѣшнимъ краемъ ¹⁾, а также для знанія, кто въ Киргизкайсацкой Меньшей ордѣ главные и частные родовые начальники и въ Расправахъ, по ордѣ учрежденныхъ, предсѣдатели и засѣдатели, имянные имъ списки, съ ознаменованіемъ родовъ, надъ коими они начальствуютъ ²⁾.

8) Для письменнаго производства по Киргизкайсацкимъ дѣламъ и по части пограничной оставляю я при вашемъ превосходительствѣ стата моего отъ намѣстничествъ адъютанта г. капитана Кабрита, коему отъ меня и оставляемыя мною здѣсь дѣла, до сего относящіяся, отданы. Также оставляю при вашемъ превосходительствѣ секретной моей канцеларіи трехъ писарей и двухъ переводчиковъ, которымъ всѣмъ именной списокъ прилагаю у сего ³⁾.

Отъездъ барона Игельстрома въ Петербургъ, посреди другихъ военныхъ и дипломатическихъ порученій въ войну съ Швеціей, насколько не помѣшалъ ему, нося отвѣтственное званіе Симбирско-Уфимскаго генераль-губернатора и главнокомандующаго войсками Оренбургскаго корпуса, заправлять и этимъ отдаленнымъ краемъ и дѣлать по нему тѣ или другія распоряженія, пересылая ихъ изъ Петербурга или Выборга съ нарочными въ Уфу и Симбирскъ.

Но насколько былъ удобенъ такой способъ управленія обширнымъ краемъ, требующимъ особенныхъ заботъ и наблюденій, трудно сказать, хотя съ другой стороны по дѣламъ архивнымъ видно, что между Пеутлингомъ и Игельстромомъ шла дѣятельная переписка.

¹⁾ За исключеніемъ вышеприведенныхъ (въ 1-й главѣ) высочайшихъ повелѣній, другихъ въ Оренбургскомъ архивѣ не осталось. По всей вѣроятности ихъ можно найти въ Уфимскомъ губернскомъ архивѣ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886, выпускъ X.

²⁾ Списковъ этихъ не имѣется при ордѣхъ.

³⁾ Тоже.

Впрочемъ, въ это время обстоятельства сложились именно такъ, что требовали многого писанія.

Уже при Игельстромѣ, вслѣдствіе его неумѣлыхъ распоряженій, между Киргизами замѣчались недовольство и ропотъ, но съ отъѣздомъ его въ Петербургъ опасное броженіе умовъ стало увеличиваться. На Уралѣ появился какой-то Магометанинъ, именовавшій себя пророкомъ Шихъ-Мансуромъ ¹⁾, посланнымъ будто бы Аллахомъ защитить правовѣрный народъ отъ Русскихъ. Онъ разсылалъ вліятельнымъ Киргизскимъ родоначальникамъ свои «святыя письма» и подговаривалъ ихъ «во имя Бога» къ возстанію противъ Россіи.

О замыслахъ этихъ и проискахъ новоявленнаго пророка ничего не знали ни въ Уфѣ, ни въ Оренбургѣ. (Впрочемъ, можетъ быть, и знали, но не придавали имъ особеннаго значенія). Первымъ возбудилъ это дѣло Кавказскій губернаторъ генераль-маіоръ Сергѣй Аванасьевичъ Брянчаниновъ, который въ Январѣ 1790 года получилъ чрезъ своего «комфидента» отъ Киргизскаго муллы Абдуль-Керима свѣдѣнія «о предпріятіяхъ Киргизъ-Кайсацкихъ впадать злодѣйски въ наши границы». Вскорѣ такія же свѣдѣнія получены и «отъ командующаго учрежденной противъ Киргизовъ со стороны рѣки Волги кордонною стражею» подполковника Персидскаго и отъ Гурьевскаго коменданта.

Сообщая объ этомъ Неутлингу ²⁾, Брянчаниновъ, между прочимъ, писалъ, «что хотя я симъ увѣдомленіямъ и не довѣряю, однакожь, въ расужденіи нынѣшняго времени и поощренія отъ Порты Оттоманской, безъ надлежащаго примѣчанія онаго оставить не должно», и поэтому онъ просилъ Уфимскаго намѣстника «опредѣленнымъ на постахъ по р. Уралу приказать движенія Киргизовъ замѣчать, а въ случаѣ какой либо дерзости и воспрепятствовать».

Конечно, Неутлингъ съ своей стороны принялъ всѣ мѣры предосторожности для огражденія пограничной линіи и разослалъ по всѣмъ крѣпостямъ строжайшія предписанія слѣдить за дѣйствіями ордынцевъ. Но этимъ не ограничился Брянчаниновъ и въ свою очередь послалъ донесеніе въ Петербургъ къ высочайшему двору «о вредныхъ по его предположенію слѣдствіяхъ, могущихъ произойти со стороны Киргизскаго народа, возмущаемаго извѣстнымъ лжепророкомъ Мансуромъ».

Помня дѣйствія Киргизовъ въ бывшій Пугачевскій мятежь, Государыня обратила особенное вниманіе на донесеніе это и чрезъ графа

¹⁾ Данныя объ этомъ Киргизскомъ лже-пророкѣ впервые появляются въ печати.

²⁾ Письмомъ отъ 17 Января, 1790 г., № 69, изъ Екатеринограда.

Безбородко потребовала отъ барона Игельстрома (бывшаго въ то время въ Выборгѣ) немедленнаго объясненія ¹⁾. Уже 2-го Юня баронъ Игельстромъ отвѣчалъ графу Безбородкѣ:

«О присылкѣ къ Киргизскимъ старшинамъ отъ упоминаемаго лже-пророка писемъ имѣю я уже отъ правителя Уфимскаго намѣстничества г-на генерала-маіора Пеутлинга, отъ 13-го и 20-го числа Марта мѣсяца, извѣщенія, а отъ него же и Кавказскій г-нъ губернаторъ получилъ о томъ увѣдомленіе, по которому отъ сего, какъ вижу я, вступила и нынѣшняя Ея Императорскому Величеству реляція. Полагая, что г. Пеутлингъ, извѣсти меня о семъ, сдѣлалъ также и Ея Императорскому Величеству или вашему сіятельству донесенія ²⁾ и почитая сіе обстоятельство не весьма важнымъ, паче по тому, что по увѣренію г. Пеутлинга оныя письма не дошли до рукъ Киргизскихъ старшинъ, я почелъ излишнимъ приступить къ чиненію особливаго отъ себя о томъ донесенія ³⁾. Теперь, извѣщаясь отъ вашего сіятельства, что отъ г. Пеутлинга не вступили къ высочайшему двору о семъ происшествіи донесенія, имѣю честь препроводить къ вашему разсмотрѣнію всѣ его касательно того ко мнѣ отнесенія ⁴⁾ подлинниками. Изъ нихъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть, какъ тѣ письма открыты, и что г. Пеутлингъ, для предупрежденія непріязненныхъ отъ нихъ слѣдствій, не упустилъ принять нужныя мѣры; да и при отпращиваніи въ концѣ Марта мѣсяца муфтія ⁵⁾ въ Киргизскую орду не оставилъ онъ, между прочими на него возложеніями, сдѣлать ему наставленіе доказать Киргизскимъ старшинамъ, что всѣ внушенія Шиха-Мансура противны закону Магометанскому и устраиваютъ имъ гибель, вмѣсто благодѣйствія.

Я сумнѣваюсь при томъ, чтобъ сіи письма были дѣйствительно отъ Шиха-Мансура, а полагаю болѣе, что они сочинены именемъ его и, можетъ быть, уже и разбѣяны бѣглымъ изъ Уральскаго войска Татаринномъ Хасаномъ-муллою, о которомъ многократныя сдѣланы отъ меня донесенія. Сей бездѣльникъ, возненавидя свое отечество и придерживаясь особливою въ законѣ Магометанскомъ секты, почти уже два года шатался по Киргизской ордѣ, стараясь разными способами возмутить весь народъ тамошній, въ чемъ до сего времени однако не успѣлъ и никогда, надѣюсь, не успѣетъ. Нѣтъ сумнѣнія, чтобъ вну-

¹⁾ Письмо Безбородко къ Игельстрому отъ 30 Мая 1790 г. изъ Царскаго Села.

²⁾ Изъ письма гр. Безбородко видно, что отъ „Пеутлинга въ полученіи ничего подобнаго“ еще не имѣлось

³⁾ Между тѣмъ, какъ ниже увидимъ, среди Киргизовъ начались уже волненія и если бы Игельстромъ жилъ въ Уфѣ, а не въ Петербургѣ, то могъ бы самъ это видѣть и слышать.

⁴⁾ „Отнесеній“ этихъ въ дѣлахъ архивныхъ не сохранилось.

⁵⁾ Тотъ самый муфтіи Мухаметъ-Джанъ Гуссейновъ, который писалъ „возмутительное“ письмо къ батырю Сырымю. На такого человѣка трудно было надѣяться, чтобы онъ могъ что нибудь сдѣлать въ пользу Россіи и уговорить Киргизовъ. И на самомъ дѣлѣ, онъ ничего не сдѣлалъ, а, кажется, еще больше возбудилъ Киргизовъ противъ Русскихъ. Странно было посылать въ степь такого человѣка, который уже былъ замѣченъ въ противозаконныхъ поступкахъ.

шенія его или, положимъ, и Шиха-Мансура остались совсѣмъ бездѣйствительны. Непремѣнно найдутся нѣкоторые, кои почтутъ ихъ истинными и спасительными и по поводу ихъ сдѣлаются поползновенными и на разныя дерзости; однако общаго въ Киргизской ордѣ возмущенія такія соблазненія никогда вовлечь не могутъ: ибо Киргизской народъ, по внутреннему своему состоянію, отъ единодушія весьма удаленъ, а дѣйствуютъ и поступаютъ всякой изъ нихъ по тѣмъ мыслямъ, кои рождаются въ его головѣ, давая вольный бѣгъ страстямъ своимъ и располагая по мѣрѣ оныхъ свои дѣянія ¹⁾. Слѣдовательно, въ которую сторону корысть, честолюбіе или какіе другіе виды влекутъ его, туда и уклоняется, а всеобщаго стремленія къ единому предмету нынѣ еще быть не можетъ. Въ разсужденіи сего весьма неправильно, что г. Кавказской губернаторъ поводомъ происшедшихъ въ прошедшую зиму отъ Киргизцовъ шалостей полагаетъ внушенія Шиха-Мансура. Киргизцы безъ таковыхъ побужденій всегда были, суть и долгое время останутся еще поползновенными на воровства и грабительства, и оныя не прежде пресѣкнутся, какъ когда будутъ они включены въ тѣсныя предѣлы и устроится между ими порядокъ, заставляющій повиноваться опредѣленнымъ частнымъ начальникамъ ²⁾.

Теперь же нѣтъ еще никакой возможности удержать ихъ отъ кражи людей и другихъ шалостей, коихъ нельзя ставить на счетъ всеобщій, но производятся они своевольными, невнемлющими никакихъ увѣщаній; а воръ всегда находитъ способы успѣвать въ своемъ предпріятіи, и нѣтъ возможности уберечься отъ онаго.

Въ прочемъ, способы для отвращенія всеобщаго отъ Киргизскаго народа безпокойствія, къ которому, однако, смѣло утверждаю я, никогда они приступить не въ состояніи, суть съ одной стороны явленіе имъ разныхъ приласканій, защищеніе ихъ отъ притѣсненій и скорое удовлетвореніе всѣхъ справедливыхъ ихъ требованій, съ другой—держаніе противу нихъ оружія въ такой всегда готовности, чтобъ то имъ видно было, и какъ скоро уже дерзости ихъ до нестерпимости возрастутъ, дать имъ силу онаго возчувствовать ³⁾, на что число войскъ, въ Оренбургскомъ краю состоящее, весьма достаточно, и Астраханская область, въ кою страшится впаденія Киргизовъ г. генерал-майоръ Брянчаниновъ, довольно сильно ограждена, имѣя къ сторонѣ Киргизской степи впереди себя новый учрежденный кордонъ, по которому, съ согласія Саратовскаго генералъ-губернатора и прежняго Кавказскаго губернатора, назначено отъ меня содержать войска болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, передъ онымъ линію Нижне-Уральскую, охраняемую Уральскимъ войскомъ, считающимъ въ себѣ служащихъ казаковъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, а въ случаѣ нужды можетъ выставить до десяти тысячъ, да къ боку часть Оренбургскаго корпуса.

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ до нѣкоторой степени нельзя не согласиться.

²⁾ Дѣйствительно, Киргизы тогда только смирились, когда Россія, овладѣвъ Туркестаномъ, стѣснила ихъ своими владѣніями въ широкомъ просторѣ дѣвственной степи.

³⁾ Къ социальную ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ при Игельстромѣ не дѣлалось.

Почему прежде подхода къ Астрахани ¹⁾ и обнаруживанія явнаго всеобщаго возмущенія, Киргизцамъ предлежитъ напередъ опрокинуть все Уральское войско, потомъ кордонъ Астраханской, а наконецъ и часть Оренбургскаго корпуса, для успѣянія въ чемъ нужно, чтобъ вся орда съѣла на конь, что не можетъ произойти такъ скрытно, чтобъ не можно было благовременно предпринять противу того надлежащія мѣры ²⁾, изъ коихъ въ такомъ случаѣ наиболѣзливѣе то, чтобъ позволить Башкирцамъ и Уральскимъ казакамъ дѣлать въ Киргизской ордѣ баранту ³⁾ послѣ коей ни у единаго Киргизца не останется лошади: сего страшатся они безмѣрно, и по единому сему обстоятельству никогда не приступаютъ ко всеобщему мятежу, развѣ будутъ увѣрены, что Башкирцы присоединятся къ нимъ. И такъ главнѣйшія безпокойствія, могущія при нынѣшнихъ Киргизцахъ состояніи произойти отъ нихъ, состоятъ только въ томъ, что воровскія скопища, прокравшись чрезъ Нижнюю-Уральскую линію и Астраханскій кордонъ, могутъ дѣлать набѣги къ Волгѣ и раззорять тамошнія колоніи, чему были уже и примѣры; но о недопущеніи оныхъ къ тому Уральское войско и кордонъ Астраханскій должны имѣть неусыпное бдѣніе, и ежели то случится, ничто иное, какъ оплошность ихъ будетъ тому виною.

Въ оказаніи Киргизцамъ ласки разумѣю я то, чтобъ знатнѣйшихъ изъ старшинъ и лучшихъ людей начальнику держать всегда подъ рукою, обращаться со всѣми съ кротостью, производить въ чины желающихъ и ищущихъ оныя принять и отъ времени до времени одарять заслуживающихъ тѣ, хотя нѣсколько, и какъ они всѣ вообще до подарковъ крайне лакомы, то явленіе имъ видовъ, что корыстолюбіе ихъ можетъ удовольствоваться, есть наилучшій способъ для недопущенія ихъ завести между собою единопутной связи. При отъѣздѣ моемъ изъ тамошняго края, предложилъ я г. Пеутлингу, между прочимъ, то правиломъ, и онъ, конечно, будетъ держаться его. Но какъ на Киргизскіе расходы ежегодно отпускаемая сумма, состоящая въ пяти тысячахъ рублей, недостаточна на всѣ случающіеся расходы, я открываю изъ нѣкоторыхъ его извѣщеній относительно отправленія въ орду муфтія, что онъ наблюдаетъ великую экономію, опасаяся употребить излишнее противу положенія. Въ разсужденіи сего осмѣливаюсь вашему сіятельству покорнѣе представить испросить у Ея Императорскаго Величества на Киргизскіе расходы прибавочной суммы къ положенной и въ произвольномъ ея употребленіи разрѣшить г. Пеутлинга, дабы не имѣлъ онъ надобности воздерживаться отъ чиненія Киргизцамъ подарковъ, имѣющихъ для нихъ великую притягательную силу».

¹⁾ Между тѣмъ ниже увидимъ, что опасенія Бринчанинова были не напрасны

²⁾ Однако, когда бѣжали Калмыки въ 1771 г. и во время Пугачевскаго бунта, наши власти не успѣли принять во время этихъ мѣръ.

³⁾ Безмысленнѣе этой мѣры ничего не могло быть, ибо это повело бы къ всеобщей рѣзнь. О барантѣ въ степи еще при Неплюевѣ просили Башкирцы и казаки, но оны не допускалъ ея.

Затѣмъ на имя генераль-прокурора и государственнаго ассигнаціоннаго банка директора, д. т. с. князя Вяземскаго, 25-го Іюня того же года, послѣдовалъ высочайшій рескриптъ (въ Царскомъ Селѣ): «Князь Александръ Алексѣевичъ! По недостатку суммы, опредѣленной на Киргизскіе расходы, повелѣваемъ отпустить въ распоряженіе Уфимскаго губернатора изъ тамошнихъ доходовъ ежегодно по двѣ тысячи рублей, начиная съ 1-го Генваря нынѣшняго года. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина».

Такимъ образомъ, возбужденная Брянчаниновымъ переписка, надѣлавшая такъ много бумажнаго шума въ Петербургѣ, привела къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіемъ. Не будь донесенія Кавказскаго губернатора, можетъ-быть, баронъ Игельстромъ не рѣшился бы просить еще 2.000 рублей на совершенно бесполезное дѣло «Киргизскаго благоустройства». Высказанные имъ взгляды на Киргизовъ и особенно на мѣры къ удержанію ихъ въ должномъ повиновеніи, увя, во многомъ противорѣчили истинному положенію вещей и даже вполнѣ слѣдствіи его собственнымъ распоряженіямъ.

Въ объясненіи своемъ графу Безбородко, для удержанія Киргизовъ въ должномъ подчиненіи Россіи, онъ находилъ нужнымъ дѣйствовать на нихъ ласками, подачками и подкупками, раздачей чиновъ и отличій, въ случаѣ волненій въ степи, предлагалъ посылать туда казаковъ и Башкирцевъ для баранты. Между тѣмъ, пять мѣсяцевъ спустя, въ своемъ письмѣ (отъ 14-го Ноября 1790 г.) на имя Пеутлинга, Игельстромъ порицалъ дѣйствія Оренбургской Пограничной Экспедиціи, которая «оправдала и одобрила поступокъ Башкирцевъ, самовольно перешедшихъ въ Киргизскую степь и отогнавшихъ у Киргизцовъ скотъ безъ всякаго разбора». И къ этому онъ добавилъ, что «какъ таковое поущеніе, самовластіе и упорство заслуживаютъ по всей справедливости строгаго взысканія», то рекомендовалъ Пеутлингу, «если которые члены Экспедиціи отважатся впредь на подобный поступокъ, во всемъ *противорѣчивушій* порядку и тѣмъ способамъ, какіе приняты и соблюдаются къ сохраненію въ тамошнемъ краю спокойствія, т. е. самовольно одобрять и подпишутъ такое дѣло,—предать ихъ уголовному суду для поступленія съ ними по законамъ». Слѣдовательно, не только будутъ наказаны барантаци, но если бы, паче чаянія, ихъ оправдала Экспедиція, то и та должна быть наказана.

Нѣтъ никакого сомнѣнія послѣ этого, что слова у Игельстрома не вязались съ дѣломъ.

Въ Юнѣ онъ увѣрялъ и успокоивалъ Императрицу, что на границѣ все обстоитъ благополучно, что Киргизы никомъ образомъ не могутъ бунтовать, а въ Сентябрѣ (27-го) того же года писалъ Пеутлингу:

«Ея Императорское Величество, получа отъ вашего превосходительства донесенія, относящіяся до шалостей Киргизцовъ, а особливо старшины Каратау-бея, высочайше указать мнѣ изволила, чтобъ я, къ отвращенію оныхъ и для удержанія въ томъ краю спокойствія, преподалъ вашему превосходительству мои мысли. Я же, разсматривая всѣ ваши, м. г. мой, вступающія ко мнѣ донесенія по дѣламъ орды, ввѣренными теперь вашему управленію, съ самого начала отбытія моего изъ тамошняго мѣста до сихъ поръ, не вижу въ нихъ ничего противорѣчащаго пользѣ, но что во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ поступаете точно по тѣмъ самымъ правиламъ, которыя отъ меня вамъ предложены къ наблюденію, въ дополненіе коихъ не нахожу теперь иного вамъ сообщить, какъ только то, что я, одобряя сдѣланную нынѣ Уральскаго войска атаманомъ полковникомъ Донсковымъ экспедицію, признаю полезнымъ и нужнымъ, чтобъ, при умноженіи отъ Киргизцовъ шалостей, умножить по онымъ и подобныя экспедиціи съ тѣмъ однакоже, чтобы при сихъ поискахъ до пребывающихъ въ тишинѣ и блакомыслии отнюдь не касаться, какъ только до виновныхъ. Дабы же правило сіе соблюсти въ точности, то рекомендую приказать предпринимать экспедиціи сіи*) на нѣсколько уже недѣль, а не дней; для того что собирающіяся на злодѣяніе толпы Киргизцовъ всегда отправляютъ напередъ все свое имѣніе и подвластныхъ во внутренность степи, и отрядъ, высылающійся для ихъ поисковъ и наказанія, долженствуетъ непременно доходить до кочевья ихъ улусовъ. Надобно однакоже при семъ случаѣ брать въ предосторожность то, чтобъ отряжаемая для поиска воровъ команды не слишкомъ далеко пускались отъ границы въ степь, дабы, вмѣсто намѣреваемой пользы, не подвергнуть иногда ихъ опасности; но чтобы также отъ сихъ поисковъ не родился иногда съ нашей стороны грабежъ и непримиримое изъ того междоусобіе, такъ нужно и ваше превосходительство не оставьте всячески изъ вида не упустить того, чтобы таковые поиски и захваты самихъ же воровъ, или единомышленниковъ, чрезъ Уральцевъ ли, или другіе по линіи отряды, предпринимать не по предписаніямъ Оренбургской Пограничной Экспедиціи, но съ точнаго вашего повелѣнія; ибо вамъ единственно есть долгъ, какъ начальника, соображаясь съ теченіемъ времени и обстоятельствъ, вести въ томъ расчетъ, что такое предприниманіе можетъ ли быть вмѣстѣ или нѣтъ, и потомъ надобно иногда будетъ остановить его на нѣкоторое время; а при всемъ томъ, чтобъ и начальники тѣхъ командъ, которыя будутъ вами отряжаться въ степь,

*) Слѣдовательно, до этого времени, во время своего управленія, онъ и не думалъ наказывать Киргизцовъ посылкой въ степь войскъ, хотя грабежи ихъ, какъ видно изъ ордера Пеутлингу 8-го Декабря 1789 г., были и тогда, и очевидно, что просктируемые имъ ласки и подарки не всегда достигали цѣли.

были люди безпристрастные. При всякой поимкѣ Киргизцовъ благоволите ваше превосходительство наблюдать всячески разборъ между точными ворами и тѣми, кои только однихъ съ ними улусовъ, и первыхъ, какъ разбойниковъ и нарушителей покоя, тотчасъ отсылать въ Оренбургскій Пограничный Судъ для законнаго ихъ тамъ сужденія, послѣднихъ же задерживать подѣ стражею или возвращать въ орду, предоставляется собственному вашему разсмотрѣнію; а посему точно имѣете поступить и съ тѣми самыми Киргизцами, которые, при недавно бывшей экспедиціи, захвачены въ плѣнъ полковникомъ Донсковымъ. Что же принадлежитъ до старшины Каратау-бея, предводителя нынѣ производимыхъ Киргизцами шалостей, такъ какъ онъ главнымъ старшиною сдѣланъ по выбору Байуллинскаго рода, въ которомъ онъ находится, то благоволите ваше превосходительство, снявъ съ него сіе достоинство, о непризнаніи его болѣе въ ономъ разослать по всемъ Киргизскимъ Расправамъ и родамъ циркулярныя повелѣнія и листы, съ прибавленіемъ того, чтобъ отнюдь никто изъ вѣрноподанныхъ не попускалъ ему въ злодѣяніи, но всякой всемѣрно старался бы его изловить и, какъ нарушителя клятвы и спокойствія, тотчасъ представить въ судебное мѣсто.

Усмотрѣлъ я въ одномъ изъ сдѣланныхъ вами примѣчаній на журналѣ муфтія, что ваше превосходительство, въ размѣнъ возвращенныхъ нынѣ Киргизцами нашихъ людей, приказали освободить такое же количество Киргизцовъ, содержавшихся у насъ подѣ стражею. Одобря сіе ваше распоряженіе, предлагаю и впредь держаться, съ тѣмъ, однакоже, наблюденіемъ, чтобы размѣны сіи не могли производимы быть иначе, какъ съ точнаго вашего разсмотрѣнія и предписанія, почему и не оставьте ваше превосходительство предварительно предложить отъ себя Оренбургской пограничной экспедиціи и Уральскаго войска атаману г. полковнику Донскову, дабы они при такихъ размѣнахъ не приступали къ онымъ сами собою, но всегда испрашивали вашего на то разрѣшенія.

Изяснивъ такимъ образомъ способствующія, по мнѣнію моему, къ воздержанію Киргизцовъ отъ шалостей мысли мои, представленныя отъ меня Ея Императорскому Величеству на благоусмотрѣніе и по высочайшей Е. В. волѣ вамъ симъ преподанныя, рекомендую вашему превосходительству имѣть ихъ въ своемъ наблюденіи, и какіе будутъ изъ того успѣхи, не оставлять меня вашимъ увѣдомленіемъ, такъ какъ до сего времени о томъ меня увѣдомляли. Что же касается до мѣръ, какія принять вы должныствуете по случаю смерти Нурали-хана *), ваше превосходительство въ непродолжительное время отъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества лица будете имѣть на то повелѣніе».

*) Нурали, второй ханъ Малой Киргизской орды, сынъ Абулхаиръ-хана, умеръ лѣтомъ 1790 года. На мѣсто его избранъ былъ второй братъ его Эрали-султанъ.

Какъ видно изъ настоящаго письма, при сравненіи его съ объясненіями, данными графу Безбородко, и съ ордеромъ Пеутлингу, дѣйствія и взгляды барона Игельстрома являются діаметрально противоположными. Онъ видѣлъ одно, а говорилъ другое, думалъ то, что опровергалъ на дѣлѣ, и дѣлалъ то, чему, казалось, не сочувствовалъ. Странная манера управленія! Послѣ этого невольно приходится удивляться, что за цѣль была барону Игельстрому обманывать Императрицу и увѣрять ее, что на линіи въ Оренбургскомъ краѣ все обстоитъ благополучно и Киргизы никоимъ образомъ не могутъ прорваться чрезъ кордоны въ глубь страны, хотя это всегда легко могло случиться и даже случилось въ слѣдующемъ 1791 году.

Если до 1790 года и царило только относительное (но не полное) спокойствіе въ ордѣ и на границѣ (не считая набѣговъ мелкихъ отдѣльныхъ шаекъ), то лишь благодаря тому, что ханъ Киргизскій Нурали, въ видѣ почетнаго аманата ¹⁾, жилъ въ то время (съ 1786 г.) въ г. Уфѣ, подъ надзоромъ ближайшаго пограничнаго начальства, и оттуда управлялъ ордой согласно съ видами Русскаго правительства, за что правительство отпускало ему содержаніе съ семьей и свитой 4.000 рублей ²⁾, кромѣ, конечно, тѣхъ суммъ, которыя отпускались на Киргизскіе расходы ³⁾.

Однако братъ его, султанъ Эрали, сильно недовольный такими дѣйствіями пограничнаго начальства, чтобы выместить на комъ-нибудь злобу и досадить Русскимъ, откочевалъ отъ Орской крѣпости въ глубь степи на урочище Аксакаль-Барби близъ р. Сырь-Дарьи, гдѣ, чувствуя себя въ безопасности отъ Русскаго правосудія, въ томъ же 1786 году подговорилъ приверженныхъ ему Киргизовъ Кунетскаго рода и произвелъ съ ними грабежъ проходившаго въ Бухару Русскаго каравана съ товарами на сумму 5646 рублей; затѣмъ въ 1789 году тѣми же Киргизами были ограблены Бухарскіе и Хивинскіе караваны, шедшіе въ Оренбургъ и, наконецъ, его шайкою захвачено было съ линіи нѣсколько Русскихъ людей.

Объ этомъ зналъ Игельстромъ ⁴⁾, но, очевидно, не докладывалъ Государынѣ. По крайней мѣрѣ, послѣ смерти, лѣтомъ 1790 г. Нурали, избранный на его мѣсто ханомъ Малой орды Эрали не только былъ

¹⁾ Т. е. заложникъ.

²⁾ Согласно именнаго высочайшаго повелѣнія им. Вяземскому 31 Іюня 1786 г. (см. въ ордерѣ Пеутлингу изъ экспедиціи государств. доходовъ отъ 20 Марта 1790 г. № 363).

³⁾ См. выше въ объяснительномъ письмѣ б. Игельстрома графу Безбородкѣ.

⁴⁾ Изъ письма б. Игельстрома Пеутлингу 5 Января 1792 г.

признанъ въ этомъ званіи высочайшей властью (21 Февраля 1791 г.), но всѣ Русскіе чиновники, хлопотавшіе объ этомъ его избраніи, получили въ награду чины и ордена ¹⁾. Даже Пеутлингу пожалованъ орденъ Св. Кнзя Владимира 2-й ст. «съ опредѣленіемъ полного по вѣствующему чину (генераль-маіора) жалованія со дня пожалованія, 3-го Ноября 1791 г. ²⁾. Посланные же въ Петербургъ къ высочайшему двору, по этому случаю, отъ Киргизскаго народа и Эрали депутаты, кромѣ цѣнныхъ подарковъ, награждены были чинами: султанъ Артукъ премьерь-маіоромъ, трое старшинъ Ильдубай-мурза, Хошукай и Алтай—поручиками, а состоящій при нихъ за переводчика казачій хорунжіи Абдулла-шифъ Генберовъ—прапорщикомъ ³⁾, находящійся же при этихъ депутатахъ Оренбургскаго драгунскаго полка капитанъ Петръ Киндаковъ—секундъ-маіоромъ ⁴⁾.

Пока происходили, послѣ смерти Нурали, приготовленія къ выборамъ и самое избраніе новаго хана, нѣкоторые изъ Киргизскихъ батырей, недовольные существующими порядками, пользуясь этимъ благопріятнымъ случаемъ, усилили свои грабежныя нападенія на Русскія границы. Особенно дерзостью и захватами отличалась шайка старшины Байуллинскаго рода Каратау-бея. Но, благодаря въ время предпринятымъ мѣрамъ и посылкѣ въ степь казачьяго отряда, грабежи на нѣкоторое время были прекращены. Полковникъ Донсковъ съ своими казаками не только успѣлъ настичь Каратау-бея, разсѣять его шайку и захватить многихъ мятежниковъ, но отбилъ много скота и взялъ въ добычу столько имущества, что его хватило на удовлетвореніе нѣкоторыхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ дерзкихъ набѣговъ Каратау-бея, который съ нѣсколькими приверженцами едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Однако этимъ не кончились волненія въ степи. На смѣну Каратау явился новый предводитель, главный старшина Киргизъ-Кайсаковъ Тарханъ Сырымъ-батырь ⁵⁾. На первый разъ неудовольствіе его проявилось подачей въ Апрѣль 1790 года жалобы, вмѣстѣ съ другими знатными ордынцами, на директора Оренбургской таможи Сумароцкаго за его якобы притѣсненія Киргизцамъ и сборъ излишнихъ за привозимый ими на Оренбургскій мѣновой дворъ товаръ пошлинь.

¹⁾ Указъ Сената Пеутлингу 8 Ноября 1791 г., № 4455.

²⁾ По письму б. Игельстрома Пеутлингу 4 Ноября 1791 г.

³⁾ Интересно, что въ то время чинъ армейскаго прапорщика былъ выше чина казачьяго хорунжаго, какъ извѣстно, до 1884 года также равнявшася прапорщику и корнету.

⁴⁾ Указъ Сената 21 Февраля 1791 г., № 2323.

⁵⁾ Тотъ самый, которому муфтіи Гуссейновъ писалъ письмо.

Мѣстное начальство письмами и увѣреніями старалось успокоить Сырыма и его товарищей, но ничего для уменьшенія таможенного сбора не предпринимало. Это на первый взглядъ очень незначительное обстоятельство подлило больше масла въ огонь злобы безпокойнаго ордынца, уже издавна грызшаго зубы на Русскіе порядки, и по ливніи вскорѣ начались грабежи.

Уже въ Ноябрьрѣ и Декабрѣ 1790 года Киргизы стали собираться шайками и, раздѣлившись на двѣ партіи, производили свои грабежные набѣги. Одна изъ нихъ Якаминъ-Аглыева рода, состоявшаго изъ шести отдѣленій, дѣйствовала противъ Гурьева и Уральскаго городковъ, другая — Бай-Оглыева рода (изъ двѣнадцати отдѣленій) производила грабежи по рѣкѣ Волгѣ и близъ Астрахани.

Войсковой атаманъ Уральскаго войска полковникъ Донсковъ, видя такія дѣйствія ордынцевъ, въ началѣ 1791 года, адресовался въ степь къ султану Ишиму, какъ «нѣкоторые опыты усердія къ здѣшней сторонѣ показывающему», и просилъ отъ него «извѣстія о злоумысленныхъ собраніяхъ Киргизцовъ». Но не успѣло еще посланное съ нарочнымъ письмо Донскова дойти по назначенію, какъ самъ Ишимъ, чрезъ «походнаго» полковника Солодовникова, прислалъ къ нему три подлинныхъ на Татарскомъ языкѣ возмутительныхъ письма Сырыма-батыря къ старшинамъ и Киргизамъ трехъ родовъ: Кыньскаго, Табыновскаго и Кердалиевскаго, отобранныя Ишимомъ отъ пойманнаго Киргиза Екзека. Въ письмахъ этихъ Сырымъ побуждалъ Киргизовъ «откочевать отъ здѣшнихъ границъ въ степь къ мѣсту Моголь-жару *) которое лежитъ отъ Каспійскаго моря въ полуденной странѣ, близъ предѣловъ Трухменіи» «для произведенія въ дѣйствіе покоренія подъ его правленіе всего кочующаго въ тѣхъ краяхъ при Сыръ-Дарьѣ и урочищѣ Бузачи народа». При этомъ онъ требовалъ, чтобы всѣ Киргизы вооружались и шли къ нему; кто же не исполнитъ этого требованія, то «у таковыхъ лошадей и прочій принадлежачій къ кочевью скотъ нашими джигитами (т. е. наѣздниками) взять будетъ».

Киргизы заволновались пуше прежняго. Подъ покровительствомъ Сырыма явились новые мятежники, старшины Китинскаго рода Наурзай и Ударай и батырь Кутлубай и Черкесскаго рода батырь Яркышь-бай. Зная хорошо, что въ случаѣ пораженія они могутъ скрыться въ степь подъ объявленную защиту Сырыма, а въ случаѣ удачи без-

*) Въ письмѣ Донскова написано „Моголь“, въ письмѣ же Сырыма „Мункаль-Жарь“.

препятственно сбывать ему награбленное добро и плѣнниковъ, они не только съ азартомъ продолжали грабежи на Нижне-Уральской линіи, но доходили до Саратовскихъ предѣловъ. Въ Мартъ 1791 года Саратовскій губернаторъ Нефедьевъ писалъ Пеутлингу, что шайки Киргизовъ появились на Узеняхъ, грабятъ окрестныхъ жителей и угощаютъ скотъ и лошадей. Барантаци дѣйствовали налетомъ, неожиданно, такъ что многіе изъ жителей не знали о ихъ появленіи, и потому не было предпринято необходимыхъ мѣръ предосторожности отъ захвата разбойниковъ.

21 Марта 1791 года, трое Саратовскихъ казаковъ Никита Лебедчиковъ, Павелъ Кожевниковъ и Михайла Баклановъ, на одной лошади, въ саняхъ, выѣхали изъ форпоста, что близъ рѣчки Алтаты, вверхъ по р. Большому Узеню, рыбки наловить къ празднику. Только что они расположились станомъ и раскинули свои снасти и багры, какъ на нихъ нежданно-негаданно напало пять человекъ Киргизовъ, связали ихъ и вмѣстѣ съ лошадей и санями угнали въ степь.

На форпостъ «ждать-пождать», а рыбаковъ нѣтъ и нѣтъ. Форпостный хорунжій, опасаясь, не случилось бы чего нибудь съ ними, поспѣшилъ послать на мѣсто ловли небольшую команду. Но пріѣхавшіе казаки нашли тамъ только уздечку конскую, снасти и немного разбросанной рыбы. По берегу рѣчки, направляясь вверхъ къ Узенскому плесу, шли конскіе слѣды. Посланные сообразили, что рыбаковъ «сцапали» Киргизы и сейчасъ же донесли о случившемся на форпостъ. Начальникъ сего послѣдняго по горячимъ слѣдамъ отправилъ погоню. Казаки доѣзжали до Большаго Узенскаго сырта, версть на сто отъ форпоста, но Киргизовъ все таки не нашли. Они точно въ воду канули.

Такъ прошло дней пять-шесть въ напрасныхъ поискахъ; вдругъ, 26-го числа, въ г. Узени (нынѣ Новоузенскъ) къ тамошнему коменданту секундъ-маіору Мантейфелю, явился одинъ изъ захваченныхъ Киргизами казаковъ Михайла Баклановъ и привезъ ему три засѣданныхъ Киргизскихъ коня, ружье, саблю и лукъ со стрѣлами.

— Кто ты такой? Откуда? съ удивленіемъ спросилъ его комендантъ. Тутъ Баклановъ разсказалъ ему, какъ захватили его съ товарищами Киргизы, какъ поволокли ихъ съ собой къ р. Камышъ-Самарѣ, гдѣ они раздѣлились на двѣ партіи. Трое изъ нихъ съ двумя другими казаками направились дальше въ степь, а двое съ Баклановымъ остались на урочищѣ Чертанзинскомъ покормить лошадей и сварить

себѣ салмы *). Передъ ѣдой, пока кипятится котелокъ, Киргизы вздумали побриться (побрить голову одинъ другому). Этимъ и воспользовался Баклановъ, и какъ не былъ связанъ, то потихоньку и незамѣтно отъ нихъ взялъ валявшійся близъ огня топоръ, поднялся и сначала хватилъ имъ по головѣ одного (который брилъ), а съ другимъ ему уже не было труда расправиться. Послѣ этого онъ собралъ все ихъ пожитки и благополучно возвратился домой. Два же другіе казака, не смотря на то, что свободно могли управиться съ троими Киргизами, такъ и пропали безслѣдно.

Уральскимъ атаманомъ Донсковымъ были усилены кордоны на Нижне-Уральской линіи, и въ погоню за хищниками даже посылались казачьи команды; но это мало помогало дѣлу. Набѣги кочевниковъ не перемежались весь 1791 годъ. Даже когда пограничное начальство, во избѣжаніе грабежей, воспретило Киргизамъ перепускъ скота на внутреннюю линію, въ Ноябрь и Декабрь того же 1791 г. разбойническія партіи ихъ рыскали по Саратовскимъ и Астраханскимъ степямъ, о чемъ сообщалъ Пеутлингу Невѣдѣевъ. «На 8-е число Декабря въ ночи, человекъ до 25-ти оныхъ злодѣевъ напали на Средне-Тургунскій Калмыцкій форпостъ и угнали у Калмыкъ 27 лошадей». Въ силу необходимости пограничное начальство «для пресѣченія зловредныхъ поступковъ безпокойнаго Киргизца Меньшей орды Сырыма съ воровскою толпою», принуждено было «учинить разныя ограды войска». Но послѣдовавшее изъ Петербурга, отъ 2-го Декабря 1792 г., письмо графа А. Н. Самойлова къ Пеутлингу прекратило въ зародышъ эту вполнѣ цѣлесообразную мѣру. Графъ почему-то находилъ нужнымъ и таковую посылку войскъ теперь остановить, а чтобъ тотъ дерзостный Киргизецъ Сырымъ не могъ ничего вреднаго сдѣлать по границѣ въ близъ лежащихъ отъ кочевья его мѣстахъ, а наиболѣе захвата Россійскихъ людей, на таковой случай распорядить воинскія стражи такимъ образомъ, чтобы опаснѣйшія мѣста, гдѣ долженъ быть людямъ переѣздъ, ограждены были тѣми стражами, сдѣлавши между ними потребную связь, съ наблюденіемъ сего, доколѣ прибудетъ туда опредѣленный къ командованію тамошнимъ корпусомъ генераль-маіоръ Рекъ»...

Хуже этого распоряженія врядъ ли что можно было придумать. По всему видно, что баронъ Игельстромъ самъ не имѣлъ понятія о недостаткахъ управляемаго имъ края и поэтому въ Петербургѣ далъ о немъ превратныя свѣдѣнія, почему и послѣдовало такое распоряже-

---

*) Салма—кушанье Киргизовъ; въ простой водѣ варится круто скатанное тѣсто, нарѣзанное (вѣрнѣе нарваное руками) въ видѣ голушекъ

не отъ графа Самойлова, тогда какъ на границѣ нашей съ Киргизской степью не было такихъ особенныхъ «опаснѣйшихъ» мѣстъ, гдѣ люди имѣли бы единственный переѣздъ и который легко можно было бы защитить и оборонять. Тамъ вся пограничная полоса земли, начиная отъ устья Урала до Сибирскихъ слободъ, на протяженіи 2000 верстъ сплошь, представляла открытое пространство къ сторонѣ степи, не защищенное никакими естественными преградами и поэтому совершенно свободное для дерзкихъ и неожиданныхъ Киргизскихъ вторженій. Чтобы вполне защитить въ то время Оренбургскую линію отъ ихъ набѣговъ, когда они рыскали близъ границъ нашихъ и днемъ, и ночью, то тамъ, то тутъ: надо было содержать такое войско, чтобы покрайней мѣрѣ приходилось по одному солдату или казаку на каждую сажень линіи...

III.

Хотя начало Киргизскихъ ордъ не имѣетъ тѣсной связи съ біографіей О. А. Игельстрема, но одно не очень значительное обстоятельство (требованіе имѣ въ 1791 году съ нихъ ясака) даетъ намъ право, при описаніи происхожденія и времени обложенія Ордынцевъ ясакомъ этимъ, отчасти коснуться и перваго устройства ордъ Киргизскихъ и ихъ подданства Россіи.

Широко развернувшаяся въ ширь и даль необъятная степная равнина между р. Ураломъ и отрогами Алтайскаго кряжа, извѣстнымъ подъ именемъ «Сибирскихъ дивановъ», начиная отъ Губерлинскихъ горъ до Каспійскаго и Аральскаго морей, издавна являлась для Россіи одной изъ привлекательныхъ мѣстностей, чрезъ которую лежалъ единственный удобный путь въ Средне-Азіатскія страны: въ Хиву, Бухару и Индію, славившіяся своими богатствами. Еще Петръ Великій думалъ завязать торговые сношенія съ родиной знаменитыхъ маговъ и говорилъ о Киргизской степи и ея обитателяхъ, что «хотя она Киргизъ-Кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, токмо всеѣмъ Азіатскимъ странамъ и землямъ она орда ключъ и врата».

Разбросанные далеко по необозримому пространству почти дѣвственной пустыни, Киргизъ-Кайсаки, какъ мы ихъ именуемъ, или «*Сара-касаки*» *), какъ они сами себя называютъ, составляя одинъ «легкомысленный» народъ, дѣлились на три самостоятельныя владѣнія или орды: Малую, Среднюю и Большую, съ своими владѣльцами или ханами въ каждой.

Малая или Меньшая орда располагалась ближе къ Русскимъ границамъ по лѣвой сторонѣ р. Урала, начиная отъ р. Ори до р. Эмбы

*) Сара—степной, касакъ—казакъ, степной казакъ, или скорѣе, степной воръ. Это названіе наводитъ на мысль, что имя нашихъ казаковъ произошло отъ Киргизовъ.

и впаденія ея въ Каспійское море. Въ зимнее время она доходила даже до устьевъ р. Сыръ-Дарья, впадавшей въ Аральское море, и занимала пространство нынѣшнихъ областей Тургайской и Уральской.

Средняя орда кочевала зимой по рр. Сара и Большому Тургаямъ; по лѣвой сторонѣ озера Аксакала, на урочищѣ Кара-Кумы, что близъ Сыръ-Дарья, а лѣтомъ удалялась въ верховья Тобола, Иртыша, Ишима и другихъ, впадавшихъ въ нихъ рѣкъ, т. е. приблизительно на протяженіи областей Семипалатинской и Акмолинской до границъ губерніи Томской.

Большая орда, не смотря на свое громкое названіе, на самомъ дѣлѣ по численности была гораздо меньше каждой изъ двухъ первыхъ. Кочевья ея шли дальше къ Югу по рр. Сыръ-Дарьѣ, Чирчику и Каля-су, близъ гг. Ташкента и Туркестана, находившихся во власти Зюнгорскихъ Калмыковъ.

Мысль о принятіи Киргизцами подданства Россіи возникла послѣ пораженія ихъ Зюнгорскими Калмыками, отбросившими Киргизовъ сѣвернѣе Аральскаго моря. Первымъ ходатаемъ въ этомъ дѣлѣ явился извѣстный законодатель Киргизскій ханъ Тяука (или Тявка), который въ 1718 году просилъ Петра Великаго принять его съ народомъ Киргизскимъ въ Русское покровительство *). Великій преобразователь, хотя обѣщалъ исполнить просьбу хана, но, занятый войной съ Турціей и Швеціей, не могъ исполнить своего обѣщанія и, умирая, надолго оставилъ этотъ вопросъ открытымъ. Лишь въ 1730—1734 годахъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, благой починъ этотъ осуществился. На этотъ разъ первымъ изъявилъ желаніе принять Русское подданство ханъ Малой Киргизской орды Абулхаиръ, хитрый, властолюбивый и жадный. Чтобы спасти Киргизскій народъ отъ окончательнаго порабоженія Калмыкамъ и, кромѣ того, соединить разрозненные орды подъ свою власть, онъ въ 1730 году, чрезъ Башкирскаго старшину Алдаря, просилъ Уфимскаго воеводу бригадира Бутурлина о принятіе въ подданство Россіи всего Киргизскаго народа. Русское правительство потребовало прислать по этому случаю въ Петербургъ выборныхъ. И Абулхаиръ, желая, мнимой властью придать больше важности своему ходатайству, отправилъ туда (въ 1733 г.) не только уполномоченныхъ отъ Малой и Средней ордъ, но уговорилъ ѣхать двухъ Киргизовъ Большой орды, Алдарая и Параелды, хотя орда эта, будучи подъ властью Зюнгорцевъ, никоимъ образомъ не могла помышлять о Русскомъ подданствѣ, безъ согласія своего владѣльца. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ грамо-

*) Киргизцы Оренбургскаго вѣдомства въ XVIII столѣтіи („Оренб. Листокъ“ 1880 № 19).

тами ханамъ Малой и Средней ордъ *), отъ 10-го Юля 1734 года, также была послана высочайшая грамота батырямъ Большой орды, а потомъ 17-го Юля 1739 г. и самому хану Юлбарсу, на принятіе ими подданства Русскаго; но все-таки Киргизы этой орды принять его не могли и не приняли. Лишь во время управленія Оренбургскимъ краемъ барона Игельстрома, 4 000 кибитокъ Киргизовъ Большой и Средней ордъ, подъ начальствомъ султана Большой орды Чурыкая, отдѣлились отъ своихъ Сырдарьинскихъ родичей и перешли въ предѣлы Россіи. По указу императрицы Екатерины II, отъ Февраля 1789 года, имъ были отведены подъ ихъ кочевья земли Семипалатинской области, близъ Усть-Каменогорской крѣпости (теперь г. Усть-Каменогорскъ). И этимъ было положено начало подданства Большой орды Россіи.

Въ 1793 году перешли Сибирскую границу еще 100 кибитокъ султана этой орды Шугура, а въ 1819 году, признали надъ собой власть Русской державы еще нѣсколько тысячъ Киргизовъ сѣверной части Большой орды, подъ начальствомъ султана Аюки, сына хана Средней орды Аблая.

Постоянныя междоусобія среди султановъ орды этой изъ-за власти, притѣсненія со стороны другихъ народовъ и переходы ихъ то подъ защиту Россіи, то Калмыковъ, то Китая и, наконецъ, Коканцевъ, въ концѣ концовъ привели къ тому, что часть Киргизовъ Большой орды была покорена Китайцами (такъ-называемые теперь «Дикокаменные» Киргизы въ Китайскомъ Туркестанѣ) и понынѣ находятся въ подданствѣ Поднебесной имперіи. Другая часть подчинилась выросшему, послѣ 1764 года, на развалинахъ Зюнгорскихъ Калмыковъ, Коканскому ханству, покоренному потомъ, съ 1853 по 1865 годъ, подъ власть Россіи. И такимъ образомъ, Большая орда окончательно подчинилась Русскому государству только чрезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ посланной имъ въ 1734 году грамоты Анны Иоанновны.

Когда состоялось первое принятіе Киргизовъ въ Русское подданство, ханъ Малой орды Абулхайръ далъ обѣщаніе, что, при построеніи Русскаго города на Ори, онъ «приведетъ Киргизовъ въ полную покорность», дабы они не дѣлали грабежныхъ набѣговъ на наши границы, освободить всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ и бѣдныхъ людей, и кромѣ того, изъявить согласіе платить Россіи ясакъ (дань) лисицами и корсаками. Но, какъ видно изъ двухъ неизданныхъ дневниковъ перваго Оренбургскаго губернатора И. И. Неплюева, ни Абулхайръ,

*) Подробностей о принятіи подданства Киргизцами этихъ двухъ ордъ мы не касаемся, такъ какъ это уже описано Рычковымъ въ его „Исторіи Оренбургской“ и „Топографіи Оренбургск. губ.“ и есть также у г. Вишневаго въ монографіи „Неплюевъ и Оренбургскій край“.

ни сынъ его Нурали-ханъ не исполняли данныхъ обѣщаній. Особенно же въ послѣднее время вопросъ о сборѣ съ Киргизцовъ ясака забылся и никѣмъ не поднимался. 16-го Ноября 1791 года, баронъ О. А. Игельстромъ писалъ А. А. Пеутлингу объ этомъ изъ Петербурга.

Какъ того требовалъ Игельстромъ, Экспедиція не замедлила исполнить его желаніе. Но, не смотря на тщательныя розысканія въ архивѣ, необходимыхъ для выясненія этого вопроса документовъ не нашлось. Въ имѣвшихся же тамъ проектахъ Кирилова «о изысканіи къ пользѣ и прибуткамъ коронныхъ средствъ», представлявшихся на высочайшее разсмотрѣніе, и въ приложенномъ къ нимъ мѣстному переводчика Иностранной Коллегіи Тевкелева, по поводу принятія Абулхаира съ народомъ въ Россійское подданство, «о обѣщанномъ ханомъ ясакѣ отнюдь не упоминается», лишь была «ссылка на журналъ Тевкелева, веденный имъ въ бытность въ 1731 году въ ордѣ» и представленный прямо въ Иностранную Коллегію. Но что значилось въ журналѣ этомъ, Пограничная Оренбургская Экспедиція не знала. Въ данныхъ послѣдующаго времени, отысканныхъ въ архивѣ пограничныхъ дѣлъ, хотя и было подтвержденіе объ обѣщаніи Абулхаира платить ясакъ, но въ какомъ количествѣ и съ какого времени, неизвѣстно. Въ дѣлѣ *) сохранились только два письма Абулхаира къ Государыни по этому поводу и отвѣтная на нихъ грамота Императрицы. Какъ видно по надписи на обоихъ письмахъ, они были получены сначала Кириловымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 29 Сентября 1734 года, на пути его слѣдованія въ Уфу, а затѣмъ уже пересланы Императрицѣ, которая отвѣчала Абулхаиру особой грамотой.

Изъ грамоты этой до нѣкоторой степени выясняется, что обѣщанный Абулхаиромъ сборъ ясака съ Киргизцовъ былъ прощенъ Анной Иоанновной, по крайней мѣрѣ за время до 1734 года. Далѣе же, какъ доносила Экспедиція Пограничныхъ Дѣлъ, «ясакъ съ Киргизцовъ, за бывшимъ въ 1735 году Башкирскимъ бунтомъ, который продолжался до 1741 года, не бранъ». Судя по возбужденной барономъ Игельстромомъ перепискѣ, не бранъ былъ онъ и до 1791 года. Въ дальнѣйшихъ дѣлахъ мѣстныхъ архивовъ нельзя почерпнуть точныхъ данныхъ, взимался ли ясакъ послѣ этого времени и что было сдѣлано съ затронутымъ по этому поводу Игельстромомъ вопросомъ; а между тѣмъ это очень важно знать, и намъ позволительно надѣяться, что люди, имѣющіе возможность пользоваться документами Государственнаго Архива, не откажутся точнѣе выяснить это обстоятельство, весьма существенное въ исторіи нашихъ пріобрѣтеній на Востокѣ.

*) Тургайскій Областной Архивъ за 1791 г., № 284.

IV.

Давно Россія имѣла намѣреніе завязать торговыя сношенія съ Среднеазиатскими ханствами; но единственной страной, понимавшей пользы своего народа и государства, была Бухара, не чуждавшаяся пріѣзда въ ея предѣлы чужестранцевъ. Остальныя же страны, а особливо Хива, совсѣмъ не допускали къ себѣ Европейцевъ.

Начались наши сношенія съ Бухарой съ 1620 года, когда къ Бухарскому хану Имамъ-Кули былъ отправленъ отъ царя Михаила Ѳедоровича посломъ дьякъ Иванъ Даниловичъ Хохловъ, который не только былъ принятъ дружелюбно въ тогдашней резиденціи ханской г. Самаркандѣ и благополучно воротился въ Москву, но слѣдомъ за нимъ Имамъ-Кули въ томъ же году послалъ въ Астрахань своего приближеннаго Едема. И съ этого времени почти ежегодно послы Бухарскіе пріѣзжаютъ въ Россію, иногда даже съ подарками къ высочайшему нашему двору. Наконецъ, въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчаются указанія, что, по примѣру другихъ пословъ, Бухарскіе посланцы по долгу жили въ Петербургѣ, особенно въ концѣ прошлаго столѣтія. Такъ, напримѣръ, Екатерину II въ 1775 году въ Москвѣ, въ числѣ другихъ, сопровождали Турецкій посолъ и Бухарскій посланникъ Ирназаръ Максютовъ.

Съ тою же цѣлю было прислано въ 1789 году Бухарское посольство во главѣ съ Бухарскимъ тостабой Нурмухаметомъ. Но при немъ не оказалось «написанныхъ по формѣ» вѣрительныхъ грамотъ, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ году «за этими грамотами», въ сопровожденіи двухъ офицеровъ Русской службы, капитана Діанова (Татарина) и депутата отъ Киргизскаго народа секундъ-маіора султана Ширгазы, въ Бухару были отправлены двое чиновниковъ изъ свиты посланника: караванъ-баши Дось-Мухаммедъ и юзь-баши *) Бабагуль.

По предложенію вице-канцлера графа Остермана, отправленіе ихъ изъ Петербурга было возложено на барона Игельстрома, который снабдилъ ихъ деньгами «на путевое довольствіе до первыхъ Киргизскихъ улусовъ» въ одинъ только путь. На обратный же путь, «для переѣзда отъ границы до Санктпетербурга», предписано было Пеутлингу ¹⁾ выдать «изъ состоящей въ Оренбургской экспедиціи пограничныхъ дѣлъ экстраординарной суммы». Посольство выѣхало изъ Петербурга 30-го Ноября и уже 23-го Декабря было въ Уфѣ, откуда, черезъ г. Орскъ, его направили далѣе въ степь на Бухару.

Болѣе года о немъ не было никакихъ извѣстій; думали даже, что оно погибло въ степи, благодаря вѣроломству Азіятцевъ, и только въ

*) Сотникъ, отъ словъ юзь-сто, баши—голова, т. е. начальникъ ста.

¹⁾ Письмо Игельстрома Пеутлингу отъ 30-го Ноября 1790 г. № 44 изъ Петербурга

концѣ 1791 года оно прибыло, наконецъ, въ Петербургъ. Посланные Бухарцы привезли къ высочайшему двору нашему три грамоты отъ Бухарскаго эмира, которыя долженствовали уполномочить Нурмухамета въ качествѣ особаго Бухарскаго посланника. Но, по просмотрѣ ихъ, онѣ оказались всетаки написанными не согласно съ существовавшими въ то время въ дипломатическомъ мѣрѣ «формами». Снова началась переписка. Графъ И. А. Остерманъ писалъ Игельstromу:

По обратномъ сюда прибытіи капитана Діанова и ѣздившихъ съ нимъ во свояси Бухарцевъ, находящійся здѣсь тамошній чиновникъ Нурмухаметь токсаба вручилъ мнѣ три, по Азіатскому быкновенію въ мѣшкахъ вложенныя, бумаги, кои для свѣдѣнія вашего превосходительства слѣдуютъ здѣсь въ переводахъ и копіяхъ ¹⁾. По поднесеніи же тѣхъ бумагъ и переводовъ Ея Императорскому Величеству, удостоился я получить высочайшее повелѣніе, вслѣдствіе котораго и поставляю за долгъ вамъ, м. г. мой, сообщить, что хотя оному чиновнику въ свое время учинены были извѣстныя примѣчанія объ оказавшихся въ привезенной имъ грамотѣ недостаткахъ, да для лучшаго по сему предмету объясненія самому правительству Бухарскому и туда нарочно посланы были помянутый капитанъ Діановъ съ письмомъ вашимъ ²⁾, а съ него токсабы Бухарцы, къ свитѣ его принадлежащія, однако и тутъ не только предъявилъ онъ для акредитованія себя ожидаемой здѣсь новой къ Ея Императорскому Величеству грамоты Государя его, но еще явствуетъ и изъ бумагъ, имъ представленныхъ, что въ отечествѣ его послѣдовала перемѣна въ правленіи, которое обстоятельство, по наблюдаемому издревле между разными государствами обычаю и само по себѣ требуетъ, чтобъ онъ снабденъ былъ новою вѣрющею грамотою. И какъ по таковымъ причинамъ не можетъ онъ здѣсь быть признанъ посланникомъ, то Ея Императорское Величество, соизволяя, чтобъ онъ съ свитою своею обратно отправленъ былъ въ Бухарію, предоставляетъ учинить сіе отправленіе вашему превосходительству, яко начальнику прилегаго къ той сторонѣ края здѣшней имперіи. Для отвращенія же всякихъ превратныхъ въ отечествѣ его извѣщеній и толкованій о прямыхъ причинахъ, возбраняющихъ принять его здѣсь въ званіи посланника, угодно всемплоти-вѣйшей Государынѣ, чтобъ ваше превосходительство изъяснили ихъ отъ себя въ письмѣ или иномъ по благоусмотрѣнію вашему отверстомъ видѣ, который бы ему токсабъ, при выѣздѣ его изъ предѣловъ Россійскихъ, врученъ былъ и въ коемъ бы помѣщено было обнадеживаніе, какъ объ неотъемлемомъ Ея Императорскаго Величества благоволеніи и доброжелательствѣ къ владѣнію и области Бухарской, такъ и о томъ, что, ежели тамошнее правительство, въ поспѣшествованіи доброму согласію и торговому сношенію своему съ имперіею здѣшнею, похочетъ содержать въ Оренбургѣ своего повѣреннаго человека, снабженнаго для того письмомъ къ вамъ, яко начальнику тамошней губерніи, и имѣть отъ васъ взаимно такую же особу: то сіе распоряже-

¹⁾ Къ сожалѣнію, этихъ копій нѣтъ въ Оренбургскихъ архивахъ.

²⁾ Съ письмомъ Игельstromа „къ тамошнему атаыку (?)“ отъ 30 Ноября 1790 г.

ніе изволить Ея Величество принять за благо, и что, ежели бѣ нужда потребовала для какихъ либо представленій и переговоровъ прислать и сюда къ высочайшему двору посланника отъ владѣтеля Бухарскаго, то и таковой посланникъ будетъ здѣсь принять охотно и съ подобающею званію его почею, когда только будетъ снабженъ надлежащею вѣрующею грамотою. А дабы уже на будущее время предупредить всякое о таковыхъ грамотахъ недоразумѣніе, можете вы, м. г. мой, въ томъ же, даемомъ отъ васъ письменномъ видѣ, изъяснить, что, въ разсужденіи должнаго уваженія къ высочайшему Ея Императорскаго Величества достоинству и по соображенію съ прежними примѣрами, здѣсь необходимо требуется, чтобъ въ присылаемыхъ къ Ея Величеству отъ Бухарскаго владѣльца грамотахъ употребляемъ былъ принадлежащій Ея Величеству титулъ Императрицы и Императорскаго Величества, чтобъ въ тѣхъ грамотахъ изображено было священное имя Ея Величества, чтобъ они въ окончаніи укрѣпляемы были подписью или печатью владѣльца Бухарскаго и чтобъ въ нихъ точно обозначено было то званіе, въ коемъ посылаемая особа акредитуется. Для вѣщаго же убѣжденія тамошняго правительства, что въ сихъ требованіяхъ нѣтъ ничего новаго, и для образца можете ваше превосходительство къ рѣченному письменному виду приобщить копію съ послѣдней изъ двухъ грамотъ, кои привезены сюда посланникомъ Ирнарзомъ Максютовымъ въ двоекратную его въ Россіи бытность и признаны здѣсь достаточными; съ сихъ обѣихъ грамотъ копіи, купно съ переводами, я имѣю честь вамъ, м. г. мой, при семъ доставить».

Конечно, по письму этому баронъ Игельстромъ въ точности исполнилъ желаніе Императрицы и отъ себя написалъ «объявленіе» «степенному Бухарскія области чиновнику таксабѣ Нурмухаммету». Тутъ изложены не только всѣ мысли, выраженные письмомъ Остермана, но даже вполнѣ удержаны всѣ его выраженія. Лишь въ заключеніе своего письма Игельстромъ добавилъ:

«Изъяснивъ вамъ всѣ обстоятельства, которыя препятствовали признать васъ посланникомъ при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ, и увольняя васъ по волѣ все милостивѣйшей моей Государыни къ своему государю и въ отечество, я остаюсь въ полномъ увѣреніи, что вы, по прибытіи туда, не оставите своему государю и правительству изъяснить точныя причины, которыя не допустили васъ принятымъ быть повѣренною особою, и что со всѣмъ тѣмъ, въ знакъ неотъемлемаго Ея Императорскаго Величества благоволенія къ Бухарскому вашему владѣльцу и правительству, вы здѣсь по высочайшей ея милости и щедротамъ не только съ отличными почестями приняты и во время пребыванія вашего въ столицѣ Ея Императорскаго Величества щедро и подобно посланнику содержаны были, но и при отпускѣ васъ по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, сколько въ воздаяніе похвальнаго вашего по бытности здѣсь поведенія, столько же и въ знакъ продолженія высокомонаршаго благоволенія къ вашему государю и правительству, я васъ и всю вашу свиту съ знатнымъ денежнымъ награжденіемъ и со всею по-

честью, прилично сановному человѣку, въ обратной путь отправилъ *). При разставаніи же съ вами, я поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ васъ увѣрить о моемъ къ вамъ желанномъ благорасположеніи, которое вы отличными своими качествами и поведеніемъ отъ меня заслуживаете и что я есмь непремѣнный вамъ доброжелатель» и пр.?

О днѣ выѣзда послапника изъ Петербурга Осипъ Андреевичъ заранѣе (23 Января) увѣдомилъ Уфимскаго намѣстника Неутлинга, «чтобъ благовременно принять попеченіе о приуготовленіи для него и свиты его подводъ и прочаго, что къ пути потребно, какъ по сю сторону Уфы, такъ и по тракту отъ оной къ Оренбургу, дабы не послѣдовало никакой въ переѣздѣ его остановки».

Токсаба выѣхалъ изъ Петербурга 29-го Января. При немъ въ качествѣ пристава и въ видѣ почетнаго конвоя были назначены Суздальскаго пѣхотнаго полка капитанъ Эссенъ съ тремя нижними чинами и однимъ переводчикомъ.

Передъ выѣздомъ, баронъ Игельстромъ далъ Эссену ордеръ-инструкцію (25 Января, № 5), какъ посла этого сопровождать и что для него и свиты его искупить, дабы ни въ чемъ недостатка не было.

«По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, писалъ Игельстромъ, отправляя изъ здѣшней столицы обратно въ отечество свое Бухарскаго чиновника токсабу Нурмухаммета со свитою его въ препровожденіи вашемъ до границы и назначая къ выѣзду его отсюда двадцать девятый день сего Января мѣсяца, предлагаю вашему благородію изъ принятой вами на путевое содержаніе онаго чиновника и свиты его суммы, двухъ тысячъ пятисотъ осьмнадцати рублей семидесятъ осми копѣекъ, искупя все къ пути его потребное такъ, чтобъ въ назначенный для выѣзда день болѣе ничто васъ остановить не могло, отправиться въ подлежащій путь и продолжать оной чрезъ Москву, Казань и Уфу по тому же самому маршруту, какъ и сюда слѣдовали, и для того, приобщая здѣсь примѣрное исчисленіе какія для подъема какъ онаго чиновника самого, такъ и свиты его, также и для васъ съ переводчикомъ и прочими военнослужащими чинами, при васъ находящимися, повозки искупить вы должны.

1-е. Для чиновника токсабы полозы подъ карету его, если же онъ взять ее съ собою не похочетъ, а пожелаетъ здѣсь продать, то вмѣсто полозовъ, лучший и прочный зимній возокъ.

2-е. На покупку девяти повозокъ для его и вашей свиты, изъ коихъ первая караванъ-башѣ и сотнику (Бабакулю) лучшая въ 60 руб.; а прочія восемь также хорошія и прочныя, цинонками крытыя; одна другимъ двумъ сотникамъ въ 50 руб., третья пятидесятикамъ двумъ въ 50 руб., четвертая одному десятнику съ переводчикомъ въ 40 руб., пятая и шестая четыремъ служителямъ Бухарцамъ въ 30 руб. каждая; седьмая повозка приставу капитану Эссену съ однимъ денщикомъ въ

*) Письмо это вручено было токсабѣ капитаномъ Эссеномъ на границѣ въ Орской крѣпости.

40 руб., осьмая и девятая унтеръ-офицеру съ другимъ пристава денщикомъ и двумъ казакамъ въ 30 руб. каждая, а всего 360 рублей.

3-е. На дорожныя тѣхъ повозокъ починки и на другія случится могуція надобности въ запасъ 150 рублей.

4-е. На платежъ прогоновъ въ слѣдованіи отъ Санктпетербурга чрезъ Москву, Казань, Уфу и Оренбургъ до Орской вѣрности, по исчисленному разстоянію, означенному въ примѣрной смѣтѣ, данной капитану Діанову, при проѣздѣ его въ Бухарію, за 2513 верстъ, въ томъ числѣ за 74 по 4 коп., а за 1839—по 2 коп. за версту, на 22 лошади, изъ коихъ четыре для кареты самого чиновника, всемилостивѣйше здѣсь *) ему пожалованной, а для 9-ти прочихъ повозокъ по двѣ лошади,—1006 руб. 28 коп.

5-е. На содержаніе въ пути одному чиновнику и его свитѣ изъ оклада, каковой здѣсь имъ производился, выдать впередъ за три мѣсяца (съ 15 Генваря по 15-е Апрѣля) 900 рублей.

6-е. Находящемуся при немъ приставу капитану Эссену, переводчику, унтеръ-офицеру и двумъ казакамъ кормовыхъ денегъ на 50 дней—102 руб. 50 коп.

Итого на всѣ сіи расходы 2518 руб. 78 коп.

Такимъ образомъ Бухарское посольство это, помимо расхода на его содержаніе въ Петербургѣ въ теченіе почти двухъ лѣтъ, стоило Русскому правительству при одномъ только отправленіи около шести тысячъ рублей. Великая Русская имперія умѣла награждать и привѣчать Азіятцевъ. Между тѣмъ отправлявшіеся въ Бухару наши посольства не получали и десятой доли того, что мы имъ давали.

V.

Отправленіе Бухарскаго посольства было послѣднимъ распоряженіемъ барона Игельстрома по Оренбургскому краю, въ качествѣ Симбирскаго и Уфимскаго генераль-губернатора. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ Февраля 1792 года ¹⁾ онъ былъ назначенъ Смоленскимъ и Псковскимъ генераль-губернаторомъ и, не заѣзжая въ Уфу, прямо изъ Петербурга проѣхалъ въ Псковъ, новую свою резиденцію.

Здѣсь онъ пробылъ недолго. Въ слѣдующемъ 1793 году мы видимъ его уже Киевскимъ генераль-губернаторомъ, и въ этой должности онъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ Варшавѣ, гдѣ при немъ, 6-го Апрѣля 1794 года, произошло повальное избіеніе Русскихъ. Екатерина, послѣ этого случая, разочаровалась въ немъ. Игельстромъ былъ смѣненъ и въ плоть до воцаренія Павла Петровича жилъ въ Ригѣ безъ должности ²⁾. Новый императоръ вспомнилъ о немъ, вызвалъ его въ Петербургъ и произвелъ въ генералы отъ инфантеріи.

¹⁾ Т. е. въ Петербургѣ.

²⁾ Въ Оренбургскихъ архивахъ не имѣется точныхъ свѣдѣній объ этомъ назначеніи. Лишь въ Дневникахъ Уфимскаго старожилы М. С. Ребелинскаго подъ 10 Февраля 1792 г. указывается о полученіи въ этотъ день въ Уфѣ именнаго указа „о бытіи О. А.

Высочайшимъ указомъ 2 Декабря 1796 года было упразднено Уфимское намѣстничество, и Оренбургскій край по прежнему названъ *Оренбургской губерніей*. По новому распредѣленію уѣздные города Сергѣевскъ и Белебей сдѣланы заштатными; центръ управленія перенесенъ изъ Уфы въ Оренбургъ, и тѣмъ же указомъ назначенъ былъ управлять баронъ Игельстромъ подъ именемъ Оренбургскаго военнаго губернатора, съ присвоеніемъ ему званія командующаго «Оренбургскою дивизіею» и «Рыльского мушкетерскаго полка шефа»¹⁾.

Какъ въ первый періодъ управленія Оренбургскимъ краемъ (1784—1792), такъ и теперь ничѣмъ особеннымъ не проявилась дѣятельность барона Игельстрома. На первыхъ же порахъ своего управленія, ему снова пришлось столкнуться съ Бухарцами и ихъ двумя посольствами.

Послѣ высылки въ 1792 году изъ Россіи Нурмухамета-токсабы, Бухарское правительство не прекратило сношенія съ могущественной Русской державой и, по прошествіи четырехъ лѣтъ, вновь отправило въ Россію своихъ посланцевъ. Двое изъ нихъ Исергапъ-иманъ Бердѣевъ и Абдулла Абдулкаримовъ прибыли въ Оренбургъ 31-го Января 1797 года и объявили Экспедиціи Пограничныхъ дѣлъ, что «отправлены отъ Бухарскаго первенствующаго министра²⁾ Шахъ-Мурата съ листомъ къ высочайшему Императорскому двору» и при этомъ «сказывали, что того листа на границѣ никому вручить отъ ихъ министра не приказано, а повелѣно поднести оный въ собственныя Императорскія руки»³⁾.

Смоленскимъ и Псковскимъ генералъ-губернаторомъ⁴⁾. Затѣмъ имѣется письмо Игельстрома къ Пеутлингу отъ 2-го Марта изъ Пскова и, наконецъ, указъ Военной Коллегіи (отъ 21 Февраля № 1675) на имя Игельстрома уже какъ Смоленскаго и Псковскаго генералъ-губернатора. Въ указѣ этомъ Игельстромъ, между прочимъ, по прежнему именуется «Оренбургскаго драгунскаго полку шефъ». Слѣдовательно, при новомъ назначеніи онъ не лишился этого почетнаго званія. Указъ данъ вслѣдствіе рапорта Игельстрома, что «Ставропольскаго Калмыцкаго войска войсковой атаманъ и арміи премьеръ-майоръ Федоръ Болотковъ со вступленія его во управление войска сего съ прошедшаго 1779 года, имѣя неусыпное попеченіе о приведеніи онаго въ лучшее благоустройство и порядокъ, всемирно старался Калмыкамъ внушать, сколь для нихъ выгодно и спокойно домашнее обзаведеніе и хлѣбопашество, по сему многіе изъ нихъ уже обзавелись домами и производятъ немалое хлѣбопашество, служащіе жъ снабжены всѣ пристойною аммуниціею и оружіемъ, чего всего при прежнихъ начальникахъ не было». Вслѣдствіе этого, по рекомендаціи Игельстрома, повелѣно было за ревностнѣйшую службу Болоткова наградить чиномъ арміи подполковникомъ и оставить въ томъ войскѣ атаманомъ.

¹⁾ См. «Русскій Архивъ» 1886, XI, 480

²⁾ Въ «Памятн. книгѣ Оренбург. губ.» на 1895 г. стр. 34, неправильно указано, что Игельстромъ назначенъ въ 1797 году. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1886, XI, 480, напечатанъ рескриптъ отъ 10 Декабря 1796 г., гдѣ баронъ Игельстромъ называется уже «Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ».

³⁾ По Бухарски «атаманъ». Въ одномъ донесеніи Пограничной Экспедиціи онъ названъ Шахъ-Муратъ, въ другомъ Шахъ-Мухаметъ.

Экспедиція донесла о томъ Оренбургскому военному губернатору, испрашивая «на сіе его резолюцію». Баронъ Игельстромъ, «руководствуясь прежними высочайшими по этому поводу указами и особенно письмомъ отъ 15 Января 1792 г. (см. выше), вице-канцлера Остермана, предписалъ Экспедиціи, что «если оныя посланники листа не покажутъ, то не будутъ допущены къ высочайшему Ея Императорскаго Величества двору». Въ силу необходимости, послѣднимъ ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить требованіе начальника края.

Въ представленныхъ Бухарцами бумагахъ оказались: одна грамота на имя Государыни Екатерины II, подписанная ханскимъ намѣстникомъ Максумомъ Даниаловымъ, и два письма отъ его министра Уткурь-бека Шахъ-Мухаметева къ Россійскимъ министрамъ ¹⁾.

По переводѣ документовъ этихъ на Русскій языкъ, въ нихъ, какъ и прежде, не было обозначено фамилій посылаемыхъ Бухарскимъ правительствомъ уполномоченныхъ, а въ грамотѣ «такого Ея Величеству титула, какого по формѣ, отправленной къ нимъ въ 1792 году съ Нурмухаметомъ, требуется, не изображено, ниже и священнаго имени Ея Величества не упомянуто, кромѣ нѣкоторыхъ *иперболическихъ* выраженій, отъ Магометанскихъ владѣтелей обыкновенно употребляемыхъ» ²⁾.

«Во имя всемилостиваго Бога.

Хвала буди Богу, Господу всѣхъ тварей, и миръ и благословеніе на апостолъ его Мухамметъ, съ фамиліею и со всѣми пре...никами его. По изъявленіи хвалы Творцу міра Богу, да будетъ донесено Ея Величеству монархинѣ сущей, въ достоинствѣ царицѣ Савской, героинѣ, побѣдительницѣ свѣта, вѣнцовъ, великихъ царей маргаритѣ, областей и провинцій, купно же и законовъ государямъ дарствующей, счастливо и могущественно Имперіей управляющей, многихъ славныхъ странъ госпожѣ, въ счастливой свиніи обитающей, сильнѣйшей и безсомнѣнной монархинѣ, подобной въ силѣ Джамшиду, въ служителяхъ Феридону, въ знаменитости Хошрафу, въ страхѣ Марсу, въ славѣ и чести Бархису, самодержицѣ и обладательницѣ многихъ страпъ, царскаго титула благолѣпіе, многихъ сокровищъ и благополучія умножительницѣ, книги оглавленію, князей красотѣ, съ тонкостію и ревностію дипломовъ (?) своихъ издательницѣ, войско безчисленное умножающей, сильной, счастливой и побѣдоносной государынѣ, сего зелено-цвѣтнаго вертограда (?) розѣ, судебнымъ палатамъ книги уставовъ и указовъ монаршескихъ дарующей.

¹⁾ Изъ рапорта Экспедиціи Пограничныхъ дѣлъ барону Игельstromу 2-го Февраля 1797 года.

²⁾ Въ дѣлахъ архивныхъ нѣтъ этихъ писемъ, за исключеніемъ перевода съ грамоты.

³⁾ Рапортъ Экспедиціи Игельstromу 23 Марта 1797 года. Какъ образецъ Магометанскаго красноречія приводимъ эту грамоту цѣликомъ.

Невѣрной еретикъ Ака-Мухаметъ-ханъ, съ намѣреніемъ присвоенія во владѣніе свое городовъ, выѣхавъ, сперва направилъ путь свой на христіанъ Тефлисцовъ, то есть Грузинцовъ, которыхъ, взявъ, мужескъ полъ побилъ, а женъ и дѣвицъ большихъ и малыхъ всѣхъ городовъ, въ видѣ плѣнниковъ и рабовъ, въ пространное Персидское государство разсѣялъ, священные же храмы Духа Божія Господа Иисуса (надъ которыми да будетъ миръ и благословленіе) превратилъ и раззорилъ. При такомъ прислуженіи поношенія и презрѣнія, что сдѣлалось монархинѣ и ея министрамъ христіанскимъ, а паче когда сей еретикъ ворвется и законъ (со) свѣтомъ христіанскимъ въ нестройность приведетъ и съ землею сравнитъ, при семъ случаѣ надлежитъ знаменитой въ свѣтѣ монархинѣ употребить милость, которую и можетъ произвести въ дѣйство. Ежели онъ, еретикъ Ака-Мухаметъ-ханъ, въ вашу христіанскую сторону вступить, тогда сей бѣдный¹⁾, по сходству состоянія своего, помощь учинить можетъ. Когда оной еретикъ Ака-Мухаметъ-ханъ христіанъ Тефлискихъ побѣдилъ, тогда всѣмъ ихъ сокровищемъ овладѣлъ, отколь возвратясь, большую часть Персіи подъ власть свою получилъ, гдѣ (надъ) сокровищемъ Надиръ-Шаха восгосподствовалъ, и тѣмъ многую силу приобрѣлъ. А понеже сей сожалѣнія достойной²⁾ ему Ака-Мухаметъ-хану противоборствовать не въ силахъ, того ради стыдъ и безчестіе свое возлагаетъ на ваше величество, прося дозволенія сему бѣдному имѣть васъ матерью, а ему быть сыномъ, да благоволитъ ея величество дать ему вооруженнаго войска по меньшей мѣрѣ до десяти тысячъ и пушекъ до пятидесяти, съ принадлежностью, т. е. съ ядрами и порохомъ. Ежели онъ, еретикъ Ака-Мухаметъ-ханъ въ вашу имперію вступить, тогда сей бѣдный можетъ употребить себя въ воспященіе (?) его, а буде покусится онъ итти въ Скифское государство, въ такомъ случаѣ можете ваше величество остаться по послѣдней мѣрѣ во охраненіи своихъ христіанъ; а сей бѣдный благодатію существующаго Бога будетъ защищать Скифское государство, купно съ имуществомъ и душами Мусульманскими. Сей бѣдный Имперіи вашего величества правилъ и обрядовъ не знаетъ; то ежели въ семъ писаніи найдется недостатокъ и предосужденіе, да удостоенъ будетъ прощенія. Писано въ 4 день, то есть въ Субботу, а имянно 26 числа Октября 1796 года. На оборотѣ листа приложена чернильная печать съ именемъ намѣстника ханскаго Максума Даниалова *).

Должно быть положеніе Бухаріи въ то время было въ очень сильной опасности, что, помимо этого посольства, слѣдомъ за нимъ 6 Мая того же года прибыли въ Оренбургъ еще два бухарскихъ послан-

¹⁾ Т. е. авторъ этой грамоты. Туземцы всегда въ письмахъ изъ вѣжливости называютъ себя въ третьемъ лицѣ.

²⁾ Тоже самое.

³⁾ Странно въ письмѣ этомъ то, что авторъ то самъ предлагаетъ помощь Россіи, то проситъ у ней помощи войскомъ противъ какого-то еретика Ака-Мухаммета. Кто былъ этотъ „еретикъ“, трудно понять. Должно быть это былъ владѣлецъ Хивы и Усть-Уртскихъ Туркменъ, одинъ изъ безпкойныхъ и воиственныхъ сосѣдей Персіи и Бухары.

ника: Мухамметъ-Юсуфъ-Бикъ-Мухамметъ-Аминевъ и Абдулла-бекъ Чау-Мухаметевъ. Наконецъ, чрезъ Каспійское море на Астрахань, съ такимъ же порученіемъ былъ отправленъ еще одинъ посольскій мулла Пеклеванъ-Кули-Корчій, которому, благодаря незнанію Астраханскимъ начальствомъ о существованіи распоряженія 1792 г. по приему и удостоенію туземныхъ посланниковъ, свободно удалось пробраться до Петербурга, гдѣ Корчій, хотя также не былъ признанъ посломъ, однако благосклонно былъ принятъ Павломъ и «удостоился получить отъ щедротъ Его Императорскаго Величества дары толико изысканныя». Но было ли ему обѣщано со стороны Россіи какое-либо пособіе противъ еретика Ака-Мухамета, того изъ дѣла не видно.

Хотя остальные два посольства, пріѣхавшіе въ Оренбургъ, были задержаны Игельстромомъ и не допущены въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе отобранныя отъ нихъ бумаги были препровождены къ высочайшему двору, и оттуда высланъ былъ имъ «отвѣтный отъ Россійскаго министерства къ тамошнему хану листъ».

Послы эти, впредь до отправленія ихъ въ обратный путь 14 Іюля, жили насчетъ Русскаго правительства: имъ былъ отведенъ въ Оренбургъ особый домъ, при нихъ безотлучно находился Русскій переводчикъ и дежурили нижніе чины для посылокъ; кромѣ жалованія, каждадневно на содержаніе ихъ отпускались особыя деньги изъ суммъ Пограничной Экспедиціи.

Какъ дорого обходилось Русскому правительству содержаніе этихъ посольствъ видно изъ слѣдующаго высочайшаго рескрипта, даннаго государственному казначею.

«Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей баронъ Васильевъ. Изъ числа требуемыхъ Коллегією Иностранныхъ Дѣлъ на утвержденіе въ ханскомъ достоинствѣ избраннаго отъ Меньшей Киргисъ-Кайсацкой орды Айчувакъ-султана пятнадцати тысячъ и издержанныхъ на ея щетъ для Бухарскихъ посланцовъ двѣнадцати тысячъ девяти сотъ девяти рублей шестидесяти пяти копѣекъ съ половиною *), а всего двадцати семи тысячъ девяти сотъ девяти рублей шестидесяти пяти копѣекъ съ половиною, повелѣваемъ первыя отпустить, а вторыя возвратить къ Оренбургскую для пограничныхъ дѣлъ Экспедицію изъ доходовъ, казначейству для остаточныхъ суммъ принадлежащихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ».

Въ Павловскомъ,
Іюня 21 дня 1798 года.

*) Какъ видно изъ письма Васильева на имя Игельстрома, отъ 23 Іюня 1793 г. сумма эта израсходована за время 1793 г. по 1797 годъ.

На этотъ разъ въ обратный путь Бухарскіе послы были отправлены безъ всякаго Русскаго конвоя, только для свободнаго проѣзда черезъ Киргизскую степь имъ данъ былъ отъ Игельстрома открытый листъ, а затѣмъ въ орду была послана «обвѣстительная» грамота.

«Почтеннымъ Киргизкайсацкой Меньшей орды Дюрткаринскаго и Чиклинскаго родовъ старшинамъ Букуибай-мурзѣ, Карабулатъ батырю, Динянчию-батырю и прочимъ почетнымъ людямъ.

«Возвращая присланныхъ сюда отъ Бухарскаго двора по нужнымъ дѣламъ курьеровъ Исергана и Мухамметъ-Юсупа съ ихъ товарищами обратно въ Бухарію, съ отвѣтнымъ отъ Россійскаго министерства къ тамошнему хану листомъ, слѣдуемыхъ чрезъ кочевья Киргизкайсацкой Меньшей орды Дюрукаринскаго и Чиклинскаго отдѣленій, удостовѣрюсь я, что сихъ родовъ почетные старшины, мурзы, бии и батыри, по вѣрноподданнической ихъ обязанности къ высочайшему Его Императорскаго Величества престолу и прямому усердію, не оставляютъ сихъ присланцовъ отъ одного улуса до другого, яко нужныхъ курьеровъ, препроводятъ на Киргизскихъ лошадяхъ или верблюдахъ безъ отлагательнаго удержанія, пріемля же ихъ присланцевъ во всѣхъ мѣстахъ ласково, оказывать лучшую благопристойность и дорожное успособствованіе; а какъ сдѣлано симъ курьерамъ отъ меня приказаніе, чтобъ они съ тракту о поспѣшномъ слѣдованіи дѣлали ко мнѣ донесенія, то благоволятъ, почтенныя старшины, бии, батыри, вручаемыя отъ нихъ посланцовъ письма неукоснительно доставлять мнѣ».

Такъ неудачно кончилась попытка Бухарскаго эмира получить отъ Россіи помощи войскомъ и втравить ее въ войну съ «еретикомъ Ака-Мухамметомъ». Но кто знаетъ, исполни въ то время Русское правительство просьбу эмира, можетъ-быть, уже тогда мы могли завладѣть Хивой, Бухарой и другими Средне-азиатскими ханствами, что совершилось лишь черезъ 80 слишкомъ лѣтъ и послѣ цѣлаго ряда неудачъ и непомѣрныхъ расходовъ. Увы, мы Русскіе не умѣемъ и почему-то не можемъ пользоваться благопріятными случаями въ международной политикѣ...

Какъ въ первое свое командованіе Оренбургскимъ краемъ, такъ и во-второе, ничѣмъ особеннымъ не проявилъ свою дѣятельность баронъ Игельстромъ для пользы населенія ввѣренной ему губерніи. Въ концѣ концовъ и Павелъ разочаровался въ немъ.

31 Марта 1797 года въ Оренбургѣ было получено частное извѣстіе, что Государь 15 Мая этого года намѣренъ посѣтить Казань. Къ счастью, или къ несчастью, однако слухъ этотъ не оправдался. Лишь въ слѣдующемъ году, 24-го Января съ нарочно-посланнымъ въ Оренбургъ курьеромъ получено было предписаніе готовить полки Оренбургской дивизіи въ походъ въ Казань для встрѣчи Государя. Поэтому распоряженію 10-го Марта изъ Оренбурга выступилъ Рыльскій мушкатерскій полкъ, а изъ Уфы—Уфимскій мушкатерскій, шефомъ коего

былъ, впоследствии прославившійся себя, генераль-маіоръ графъ Ланжеронъ ¹⁾. Слѣдомъ за ними, 17-го Марта выѣхалъ въ Казань и самъ начальникъ края, баронъ Игельстромъ.

Государь прибылъ въ Казань 24-го Мая въ шесть часовъ утра. Встрѣча, сдѣланная ему горожанами, видимо, произвела на него блаприятное впечатлѣніе; онъ былъ добръ и милостивъ, пожертвовалъ 50.000 рублей на постройку церкви Казанской Божьей Матери и затѣмъ далъ «на выстройку Казанскаго Гостиннаго ряда, на десять лѣтъ безъ процентовъ 200 000 рублей» ²⁾. На смотру Уфимскій полкъ съ своимъ шефомъ очень понравился Императору, такъ что «многіе того полку чиновники жалованы кавалеріями» ³⁾. За то Рыльскій мушкетерскій полкъ барона Игельстрома своей невыправкой и безпорядкомъ не заслужилъ императорскаго одобренія. Государь настолько остался недоволенъ имъ, что, вмѣсто Игельстрома, тутъ же назначилъ шефомъ его генераль-маіора Николая Николаевича Бахметева.

Послѣ такого приѣма, Игельстромъ воротился въ Оренбургъ (8-го Іюня) сумрачный и невеселый. Дни его были сочтены. Черезъ четыре мѣсяца (10-го Октября) въ Оренбургъ былъ полученъ указъ, которымъ онъ увольнялся прямо въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ шефъ Рыльского полка Бахметевъ, «коему велѣно завѣдывать и гражданскою частью» ⁴⁾.

Но Игельстрому, должно-быть, очень не хотѣлось разставаться съ этой почетной должностію. Не смотря на свое увольненіе, онъ надѣялся умилостивить Павла и въ концѣ Октября послалъ ему донесеніе. Увы, напрасное стараніе! Императоръ въ рескриптѣ отъ 2 Ноября 1798 года лаконически отвѣчалъ ему:

«Господинъ генераль-отъ-инфантеріи баронъ Игельстромъ. Отставивъ васъ отъ службы и назначивъ уже на мѣсто ваше генераль-маіора Бахметева, съ удивленіемъ получилъ еще отъ васъ донесеніе» ⁵⁾.

Въ силу необходимости пришлось барону Игельstromу покинуть насиженное мѣсто и уѣхать изъ Оренбургскаго края, которому онъ не принесъ никакой пользы...

П. Юдинъ.

¹⁾ Шефомъ Рыльского полка, какъ указано выше, былъ баронъ Игельстромъ.

²⁾ Дневники Ребелинскаго, запись 8 Іюня 1798 года.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“ 1886, XI, 494.